

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ЮЖНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.-М.Х. Батчаев

*Лексические средства
выразительности в карачаево-
балкарском и русском языках*

Карачаевск-2000

Печатается по решению редакционно-издательского совета Карачаево-Черкесского государственного педагогического университета

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ. – Карачаевск, КЧГПУ. – 2000. – 119 с.

В монографии исследуется проблема соотношения лексических средств выразительности карачаево-балкарского и русского языков в плане выявления их общих черт и специфических особенностей. На большом фактическом материале показана значительная общность, имеющаяся в разноструктурных языках.

Книга рассчитана на лингвистов, занимающихся вопросами языковых контактов, аспирантов, на преподавателей вузов и школ, переводчиков, журналистов и писателей.

Научный редактор: Р.А. Юсупов, Заслуженный деятель науки Республики Татарстан, член корреспондент АН Татарстан, доктор филологических наук, профессор.

Рецензенты: И.Х. Ахматов, Заслуженный деятель науки КБР, доктор филологических наук, профессор.

Р.А. Юналеева, Заслуженный деятель науки Республики Татарстан, доктор филологических наук, профессор.

© Карачаево-Черкесский государственный педагогический университет, 2000

© А.-М. Х. Батчаев

ВВЕДЕНИЕ

Одной из характерных черт нашего времени является всемерное развитие политических, экономических и культурных связей между народами всего мира. Этот процесс в значительной степени обуславливается неуклонным ростом и укреплением мира и демократии.

Сама социальная природа нашего общества поставила огромную задачу перед лингвистикой: заняться исследованием взаимодействия языков народов СНГ, проникнуть в суть двуязычия, рассмотреть его значение в развитии общественной жизни народов нашей страны. В связи с вышесказанным, перед лингвистами, преподавателями вузов и школ стоит огромная задача: поставить обучение русскому языку и родному языку так, чтобы свободное владение русским и родным языками стало нормой.

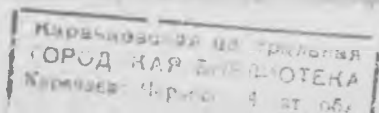
В современном языкознании вопросы двуязычия, языкового контакта, взаимодействия языков являются важными проблемами.

Двуязычие, или билингвизм, предполагает свободное владение двумя языками. Оно широко распространено в мире.

В условиях многонационального государства роль социального двуязычия неопределима.

Во-первых, в условиях нашего многонационального общества без общего коммуникативного средства - международного языка - существование и развитие этого общества немислимо.

Во-вторых, сам объективный ход развития нашего общества активизировал развитие двуязычия, которое отве-

чает интересам всех народов нашей страны. Поэтому возрастает и необходимость углубленного изучения проблем контрастивной лингвистики. Областью исследования контрастивной лингвистики может быть рассмотрение специфических черт национальных языков в сопоставлении с русским языком (или другим языком иной структуры). Весьма существенно то, что сопоставительное изучение языков способствует лучшему пониманию духовного своеобразия народа, говорящего на том или ином национальном языке, так как всемерное развитие контактов разных народов и взаимодействие языков и их носителей способствует реализации задач обеспечения культуры речи билингвов.

Несмотря на существование большого количества работ по разным аспектам языковых контактов, ряд важных вопросов взаимосвязи ждет своей дальнейшей разработки.

Карачаево-балкарский язык является одним из малоизученных языков народов СНГ. На материале языков Кавказского ареала, в частности, карачаево-балкарского языка, лексические средства выразительности специально не рассматривались. В связи с этим представляется своевременным контрастивное исследование лексических средств выразительности, рассматриваемой в данной работе в сопоставительном аспекте.

Одним из таких является вопрос о сопоставительно-типологическом изучении лексико-семантической системы контактирующих языков, в особенности русского языка и отдельных языков народов СНГ в условиях двуязычия.

Сопоставительно-типологические исследования лексико-семантических систем русского и родного языков, как и их фонетических и грамматических явлений, служат лин-

лингвистической основой методики преподавания русского языка нерусским учащимся и студентам, а также основой для теории и практики перевода. Сопоставительный анализ русского и национального языков содействует решению вопроса о культуре речи билингов в условиях двуязычия. Данные сопоставительного изучения русского и родного языков на уровне лексики оказывают большую помощь и при составлении двуязычных словарей, а также учебников по сопоставительной типологии.

Сопоставительное исследование разноструктурных языков осуществляется различными методами. В одних работах преследуется цель выявить в основном сходные явления языков, в других – отличительные. Такие ученые, как Н.М. Шанский, В.Г. Гак, С. Святковский предлагают учитывать и сходные, и контрастивные свойства. Разумеется, именно изучение как сходных, так и отличительных черт языков более всего отвечает требованиям сопоставительного исследования.

Выявление общего, то есть одинакового и сходного для обоих языков, и специфичного, то есть отличительного, свойственного лишь одному из языков, должно лежать в основе сопоставительного изучения всех уровней языка. Именно целенаправленное установление наиболее существенных общих и специфических явлений сопоставляемых языков позволяет избежать параллельного описания всех элементов русского и родного языков, соединения далеких друг от друга и малосвязанных между собой лингвистических фактов и успешно разрабатывать вопросы методики преподавания языков, теории и практики перевода, культуры речи, а также способствует определению характера взаимовлияния контак-

тирующих языков и развития в них общих элементов.

Как свидетельствует практика сопоставления фактов различных языков, в языках даже самой разной структуры имеются одинаковые и сходные, то есть общие явления. Таким образом, два сопоставительно изучаемых языка представляют собой как бы сочетание общих и специфических элементов.

Проблема общности в разных языках приобретает особую значимость в связи с дальнейшим развитием взаимодействия национальных языков и расширением в них общего лексико-фразеологического фонда. Ведь лингвистической предпосылкой такого взаимодействия являются именно существование общих черт и наличие потенциальной общности в языках.

Разработка вопросов соотношения контактирующих языков, изучение общего и специфического в их лексико-семантической системе открывает пути дальнейшего совершенствования методики обучения нерусских учащихся и студентов второму языку, методов полноценного перевода, принципов составления учебников по сопоставительной лексике и двуязычных словарей, а также значительно способствует повышению уровня культуры родной и русской речи билингвов.

Из истории развития карачаево-балкарских и русских языковых связей

Вопросы национальных отношений и проблемы двуязычия затрагивают судьбы сотен миллионов людей. В последнее время проблемы двуязычия и многоязычия выдвинулись на первое место среди самых важных и актуальных социолингвистических проблем. Особенно остро эти проблемы стоят в условиях нашей многонациональной страны, и игнорирование их может привести к далеко идущим последствиям.

Как известно, в процессе исторического развития народы вступают между собой в языковые контакты, что неизбежно приводит к заимствованию ими иноязычной лексики. А.И. Бодуэн де Куртенэ по этому поводу говорил, что «нет и быть не может ни одного чистого, не смешанного языкового целого» (5, с.361),

Обычно контактирующие языки взаимообогащаются, однако, разумеется, не в равной степени. Язык более высоко развитого в экономическом, культурном, техническом и других отношениях народа, всегда оказывает более заметное влияние на вступающий с ним в контакт язык.

Анализируя основные и общие тенденции в развитии тюркских литературных языков народов СССР, А.Н. Баскаков отмечает: «Расширение общественных функций общенародных языков, связанных с расширением сети средних школ, высших учебных заведений, ростом прессы, художественной, научной и общественно-политической литературы,

развитием театра, радиовещания на этих языках и прочих, способствует необычайному обогащению языков как за счет их внутренних ресурсов, за счет диалектов и говоров, так и за счет заимствования лексики из других соседних и особенно русского языка» (2, с.26).

В современном языкознании сделано много для того, чтобы рассмотреть проблему двуязычия во всех аспектах (146; 70, 138).

Одной из важных проблем является изучение функционирования двуязычия в каждом конкретном языке (28, 22, 48).

В настоящее время национально-русское двуязычие и системно-функциональный подход к языковым фактам являются важными вопросами.

В условиях многонационального общества без общего коммуникативного средства - межнационального языка - существование и развитие этого общества немислимо. И поэтому сам объективный ход развития советского общества вызвал к жизни активизацию двуязычия.

Двуязычие у нас тесно связано с функционированием и распространением русского языка как языка межнационального общения.

В Карачаево-Черкесской Републики билингвами являются представители коренных народов (карачаевцы, черкесы, абазины, ногайцы, русские, греки, осетины, армяне). Все они, естественно, нуждаются в национально-русском двуязычии, которое способствует приобщению к культуре, развитию науки, техники и др. всех народов СНГ.

Вопрос о двуязычии тесно связан с вопросом влияния русского языка на развитие карачаево-балкарского языка.

Русский язык, являясь в республике межнациональным языком, выполняет свою роль в повседневном общении как общий язык связи между другими народами Карачаево-Черкесской республике, является средством общения при обучении в школе, где дети получают знания на русском языке. Естественно, при таких условиях влияние русского языка на карачаево-балкарский огромно.

Это влияние, как указывалось выше, наблюдается на всех уровнях карачаево-балкарского языка. Так, например, карачаево-балкарский язык, совершенствуя и обогащая свой словарный состав, набрал огромное количество слов из русского языка. Это общественно-политические, научные, литературоведческие, языковые и другие термины. Такое заимствование характерно не только для карачаево-балкарского языка, но и для всех младописьменных языков народов СНГ.

Входя в карачаево-балкарский язык, подчиняясь законам (фонетическим, грамматическим) эти слова часто видоизменяют свой облик. Этот процесс затрудняет изучение и усвоение русского языка как предмета в школе в условиях двуязычия.

Дети, изучая два языка, которые функционируют на равных правах, часто переносят законы родного языка в русский язык и наоборот. В связи с этим возрастает необходимость изучения вопросов двуязычия и интерференции на всех уровнях языка.

Частным явлением влияния русского языка на карачаево-балкарский язык в условиях билингвизма являются некоторые вопросы, связанные с синтаксическим строем карачаево-балкарского языка.

Причиной этих интенсивных изменений мы считаем

социальные факторы и расширение функций карачаево-балкарского литературного языка.

Развитие национальных культур и языков в условиях тесного сотрудничества их носителей сопровождается интенсивным взаимодействием данных культур и языков (50, с. 15).

Карачаевцы и балкарцы, как и многие другие народы, при Советской власти обрели возможность для всестороннего развития своей культуры, в том числе и своего языка. Став предметом обучения и преподавания в школе, средством литературно-художественного творчества, карачаево-балкарский язык получил все условия для своего развития. В дореволюционный период карачаево-балкарский язык был в основном языком бытового общения и устного народного творчества.

Язык карачаевцев и балкарцев постоянно обогащается благодаря взаимодействию с другими языками, и в первую очередь с русским языком как языком межнационального общения. Русский язык стал для карачаевцев и балкарцев, как и для многих других народов нашей страны вторым языком. По данным переписи населения 1979 года, более 3/4 карачаевцев и балкарцев свободно владеют русским языком. Русский язык является могучим средством приобщения карачаевского и балкарского народов к достижениям русской многонациональной и мировой культуры. Вместе с тем, русский язык оказывает влияние на развитие родного языка карачаевцев и балкарцев, на его структуру. Развитие экономики и культуры, всесторонние контакты между людьми разных национальностей в быту, в учебных заведениях и на производстве, связанное с этим стремление к знанию русского языка создают благоприятные условия для взаимного

влияния языков, для обогащения национального языка новыми словами. Этот процесс, начавшийся в первые годы социалистического строительства, интенсивно продолжался на всех этапах и остается важным источником обогащения карачаево-балкарского языка. Характерно, что на более ранних этапах взаимодействия языков слова из русского языка входили в карачаево-балкарский, претерпевая при этом значительные фонетические изменения; в последние же десятилетия усиливается тенденция к заимствованию русских и интернациональных слов в русской форме. Под влиянием русского языка в карачаево-балкарском языке сформировались новые области терминологии: общественно-политическая, научно-техническая, научно-педагогическая и др.; идет процесс расширения семантики общеупотребительной лексики; слова и сочетания, ранее имевшие сугубо бытовое употребление, приобретают новые значения. Так, карачаево-балкарское слово *ингир* - вечер, сумерки расширило свое значение и выступает в составе словосочетаний, обозначающих общественные понятия: *шохлукъну ингири* - вечер дружбы, *соруула бла джууабланы ингири* - вечер вопросов и ответов. В карачаево-балкарском языке бытовало слово *сохта* - ученик. Теперь оно почти архаизировалось, ибо носители карачаево-балкарского языка чаще пользуются словом *окъуучу*, соответствующим русскому «учащийся» и др.

Наиболее эффективное влияние на национальные языки оказывает язык межнационального общения - русский, имеющий весьма широкие общественные функции, один из самых богатых языков мира.

Русско-карачаево-балкарские языковые связи имеют богатую историю. Истоки этих связей восходят к древней-

шим языковым общностям. Ведь рассматриваемые языки в своей многовековой истории прошли сложный путь развития, в процессе которого каждый из этих языков имел контакты с многочисленными другими языками. Поэтому для того, чтобы более полно представить историю возникновения русско-карачаево-балкарских языковых связей, необходимо сделать хотя бы краткий обзор древних контактов тюркских языков, одним из представителей которых является современный карачаево-балкарский язык, и индоевропейских, в частности славянских языков, представителем которых соответственно выступает русский язык.

Как свидетельствуют дошедшие до нас древние китайские, индийские, персидские, греческие и армянские письменные источники, и как показывают лингвистические, археологические, антропологические и этнографические материалы, тюркоязычные племена за свою многовековую историю пережили сложный процесс миграции, вследствие чего в разное время населяли огромные территории, включая Центральную Азию, Среднюю Азию, Сибирь, районы Урала, Волго-Камья, Кавказ, Переднюю Азию, а также Малую Азию, Восточную и Среднюю Европу и Северную Африку (51, с.45). В этой связи представляют большой интерес исследования М.З. Закиева и А.Г. Каримуллина, которые содержат новые данные, имеющие весьма существенное значение для воссоздания истории тюркских народов и их языков. Так, если до этого история тюркских языков обычно рассматривалась, начиная лишь с начала нашей эры - в связи с передвижением гуннов с Востока на Запад, то, по данным этих авторов, история тюркоязычных народов исчисляется 20-40 тысячами лет (51, с.32-33; 47, с.135-143).

Поскольку тюркоязычные племена были расселены на огромных территориях, на которых проживали и другие племена, говорившие на родных языках, естественным образом сопровождалось контактами тюркских языков с другими языками (51, с. 45).

Первые встречи тюрков со славянами на территории современной России относятся еще к IV в. н.э., когда происходит распад праславянской общности на прародине славян (21, с. 4).

Насколько древними были связи тюркских племен с народами Восточной и Средней Европы, настолько же давними являются контакты тюркоязычных племен с народами Кавказа, Передней Азии, говорившими на иранских, кавказских и других языках (51, с.47). По мнению Г.А. Гейбуллаева, в Кавказской Албании с начала нашей эры проживали тюркоязычные гунны (13, с.40). Сведения о проникновении гуннов в первые века нашей эры на Северный Кавказ и Дагестан подтверждаются другими авторами (2, с.52). Как отмечает З.И. Ямпольский, в начале нашей эры на Северном Кавказе, по всей вероятности, жили севродии (это же есть савиры - сабиры), принадлежащие к этнической общности древних болгар (54, с.83-86).

О древних языковых связях тюркских и других народов, проживающих на Кавказе, и об отражении этих связей в современных языках говорится также в работах и других исследователей этой проблемы (16, 15, с.120, 27, 26, 36, с.92).

Кавказом и его народами еще в первой половине XIX века интересовались лучшие люди России, классики русской литературы А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.С. Грибоедов, Л.Н. Толстой, ссыльные декабристы А. Бестужев-

Марлинский, А.К. Якубович и другие.

В.Г. Белинский писал: «...С легкой руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветною странюю не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, странюю кипучей жизни и смелых мечтаний! Муза Пушкина как бы освятила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем; купленным драгоценною кровью сынов ее и подвигами ее героев» (3, с.438).

Один из ссыльных декабристов Константин Густович Игельстром жил и трудился в ст. Баталпашинской (ныне г. Черкесск), руководил постройкой Хумаринского укрепления и колесной дорогой в Карачай. В течение многих лет после этого горцы называли эту дорогу «Игельстромовской».

В 50-х годах прошлого столетия Кавказ посетил великий русский писатель Л.Н. Толстой, который оставил в своем дневнике теплый отзыв о карачаевцах: «Карачай - нейтральный народ, живущий у подошвы Эльбруса, отличается своей верностью, красотой и храбростью» (30).

Русские языковеды, историки и археологи проявили глубокий интерес к прошлому Карачая, обследовали уникальные памятники в верховьях Кубани и первых ее притоков, записывали старинные сказания и легенды. Так началось знакомство карачаевцев с представителями передовой русской культуры.

Но эти связи не касались широких масс карачаевского народа, пока рядом с карачаевскими аулами не появились русские станицы и села и, между горцами и русскими завязались тысячи разнообразных связей: производственных и поземельных, торговых и политических, родственных и культурных. С этих пор, с конца 50-х годов XIX века усили-

лось взаимодействие и взаимообогащение культур, начался процесс сближения народов Карачая и Балкарии с русским народом.

Карачаево-балкарский язык - язык двух национальностей: карачаевцев и балкарцев. Карачаевцы и балкарцы проживают в горах и предгорьях Северо-Западного Кавказа, на территории Карачаево-Черкесской республики и Кабардино-Балкарской республики. Часть карачаевцев и балкарцев живет в Киргизии, Казахстане и Узбекистане. По переписи 1989 г. карачаевцев в СССР было 170 тысяч человек, а балкарцев - 80 тысяч человек.

За пределами СНГ карачаевцы проживают в Турции, Сирии, Иордании и некоторых других ближневосточных странах. Это потомки переселенцев из Карачая, покинувших Россию во второй половине XIX - начале XX века. Данные об их численности отсутствуют.

С севера и запада карачаевцы соседствуют с русскими, черкесами, абазинами и ногайцами, с юга - со сванами и абхазцами, с востока - с балкарцами и кабардинцами. Во многих селениях карачаевцы живут совместно с русскими, а также черкесами, абазинами и ногайцами.

Первые письменные сведения о карачаевцах относятся к началу ХУП века: в 1636-1640 гг. в отчете московского посла Ф. Ельчанина, а в 1654 году - у итальянского миссионера А. Ламберти (25), затем уже у французского путешественника Ж. Шардена. Отдельные упоминания о карачаевцах, сведения о их географическом положении, хозяйстве, торговых связях и языке мы находим в общих работах по Кавказу: у И. Гильденштедта (14); Т.Ю. Клапрота (23); С.М. Броневского (7); П.П. Зубова (20) и др.

Первым специальным исследованием о карачаевцах была статья «Заметка о карачаевских адатах по долговым обязательствам» (34) начальника Эльбрусского округа и большого знатока карачаевской жизни Н.Г. Петрусевича. Автор рисует яркую картину жизни малочисленного в те годы (16 тыс. чел.) народа, занятого тяжелым трудом, окруженного опасностями, угнетаемого феодалами и ростовщиками.

Язык любого народа на протяжении своей многовековой истории подвергается в той или иной степени иноязычным влияниям, так как народ, носитель языка, в разные периоды своего существования вступает в многообразные по форме, продолжительности и результатам связи с носителями иных языков, в результате чего наблюдается взаимопроникновение и взаимообогащение словарного состава.

Иными словами, заимствованные слова в лексике любого языка являются одним из приметных источников пополнения его словаря и вместе с другими словами свидетельствует о его богатстве.

Все заимствованные слова в лексике языка карачаевцев и балкарцев можно подразделить на:

- а) ранние заимствования (до Октябрьской революции);
- б) поздние заимствования (после Октябрьской революции).

Совершенно прав К. Черемисов, говоря, что заимствования в составе лексики любого языка, «... хранимые памятью народов, являются памятником и документом бывших культурно-исторических связей и экономико-политических взаимоотношений этого народа с другими народами, часто в такой седой древности, от которой других свидетельств кро-

ме слов либо не осталось, либо еще не обнаружено» (45, с.142).

В дооктябрьский период в лексику карачаево-балкарского языка вошло незначительное количество русизмов. Русизмы, заимствованные в дореволюционный период, подчиняясь закономерностям родного языка, подверглись фонетической интерференции:

стакан - "ыстакан", копейка - "капек", конфета - "кампет", мешок - "машок", самовар - "самауар", офицер - "абычар", "абчар", картошка (разг.) - "гардош", мужик - "мыжыкъ", купец - "кюпсе", правление - "праулен", судья - "сюдю" и некоторые другие.

Всестороннее обогащение лексики карачаево-балкарского языка русскими словами началось в послеоктябрьский период. Невиданные общественно-политические, социально-экономические и культурные изменения непосредственно сказались на состоянии лексики карачаево-балкарского языка. Теперь прилив русизмов стал носить закономерный, всеохватывающий характер.

Русизмы, вошедшие в карачаево-балкарский язык в послеоктябрьский период, можно представить в следующем виде:

1. Все слова на отсутствующие в карачаево-балкарском языке звуки [в], [ф], [ц], [щ]: варенье, вишня, врач, вымпел, фара, фляга, фуфайка, циркуль, цепочка, милиция, щетка, борщ и т.д.
2. Подавляющая часть общественно-политической, социально-экономической, научно-технической и т.п. терминологии.
3. Все названия месяцев года: январь, февраль, март,

апрель...

4. Названия большинства специальностей, профессий, должностей, почетных званий, правительственных наград: токарь, артист, инженер, председатель, машинист, директор, лауреат, орден и т.д.
5. Все воинские звания от рядового до маршала.
6. Многие названия блюд: борщ, котлеты, щи, окрошка и т.д., цветов: астра, гвоздика, сирень, фиалка и т.п.
7. Названия периодических изданий: газеты "Труд", "Правда", "Комсомольская правда", журналы "Дон", "Нева", "Работница", "Здоровье", "Мурзилка", "Русский язык в школе", альманах "Ставрополье"...
8. Многие собственные имена: Вера, Надежда, Людмила, Любовь, Олег, Сергей, Владимир, Павел, Юрий и т.д.
9. Имена нарицательные: вагон, баня, ванная, брак, гараж, стол, парта, поезд и т.д.
10. Почти все аббревиатуры: КПСС, ВЦСПС, ЧТЗ, МТФ, ХПУ, УКП, УВД, ООН, СА и т.п.
11. Сложносокращенные слова: медпункт, здравпункт, заготконтора, промторг, райпо, горсобес и т.д.

Кальки: Коммунистическая партия – Коммунист партия, каменный уголь - ташкемюр, красный флаг - кызыл баиракъ, рабочий - ишчи, служащий - къуллукъчу ....

Полукальки: пятилетний план – бешджыллыкъ план, социалистические обязательства – социалист борчла и т.д.

Интенсивному приливу в лексику карачаево-балкарского языка, его дальнейшему обогащению способст-

вовало развитие социализованных значений карачаево-балкарских слов под влиянием семантики русских слов: алчы - передовой, передовик, баи - богатый, богач - помещик, урунган - трудовой -трудоющийся...

Особо следует выделить и еще один этап, когда в карачаево-балкарский язык вошло большое количество слов из русского языка, – годы Великой Отечественной войны. В годы Великой Отечественной войны у всех народов СССР, ставших на защиту своей Родины, русский язык был активным и на полях сражений, и в тылу на трудовом фронте. Поэтому многие заимствования из русского языка вошли в общий лексический фонд всех народов СССР. Все, кто сражался на фронте, трудился в тылу, знали слова: фронт, тыл, солдат, офицер, Советский Армия (Советская Армия), атака, застава, зенитка, зенитчик, батарея, заряд, "Катюша", танка (танк), ракета, полк, взвод, дивизия, котел, миномет, дот, дзот, окопа (окоп), битва, медал, майдал (медаль), наступление, истребитель, штурм, пехота, артиллерия, штурмовик, пулеметчик, авиация, авиабаза, авиабомба, противотанковый, фашизм, фашист, фриц и т.д.

Как видно из примеров, в годы Великой Отечественной войны карачаево-балкарский язык пополнился главным образом военной терминологией и словами, выражающими героический подвиг советского народа на фронте и в тылу.

Неоценимое значение для выразительности и красочности карачаево-балкарского языка имеют буквальные и смысловые переводы с русского языка фразеологических оборотов и идиоматических выражений: "*Чабакъ башындан чирийди*" - "Рыба гниет с головы", "*Мюйюзсюз ийнек уруучу болур*" - "Бодливой корове бог рога не дает", "*Окъ джара*

бителир, сез джара бителмез" - "Злые языки страшнее пистолета", *"Кийимге кере саламлаш, акъылгъа кере селеш"* - "Встречают по одежде, провожают по уму", *"Джууургъанынга кере аягъынгы узат"* - "По одежке протягивают ножки", *"Аз болса да, иги болсун"* - "Лучше меньше, да лучше", *"Иш-лемеген - тишлеmez"* - "Кто не работает, тот не ест" и т.д.

Сказанное не исчерпывает весь арсенал заимствованных из русского языка слов и образных выражений.

И те и другие заимствования безусловно обогатили карачаево-балкарский язык, и те и другие прочно вошли в ткань современного языка и стали полноправными членами активного словаря. Однако в советское время заимствования вышли из узких рамок бытовой сферы, русские слова стали пополнять национальный язык во всех областях лексики, фразеологии.

Как следует из вышесказанного, карачаево-балкарский язык заимствовал из русского языка очень много слов, тем самым пополнив свой словарный запас словами, которые не имеют в этом языке перевода.

Однако следует заметить и тот факт, что и из карачаево-балкарского языка имеются заимствования в русском языке, что наглядно подтверждает тесные языковые связи и контакты русского и карачаево-балкарского языков. Это слова, в большинстве своем, географические названия, названия рек, озер, городов, сел, пищи и многое другое.

Сказанное можно подтвердить следующими примерами путем этимологического анализа.

Хычын - "круглый пирог с начинкой (из мяса, сыра, картофеля, из листьев свеклы, зелени)". Это карачаево-балкарское национальное блюдо. Оно образовано от къагъур

къууур, къу(р) - "жарить", "печь", чын, чеген, джеген - "съестное", "еда" (43, с.55).

Айран - "айран" от айыр (31, с.111) - "отделить" + аффикс - (а)н. Качество и способ приготовления карачаево-балкарского айрана специфичны. Отсюда абазинское "еран", абхазское "айран", кабардино-черкесское "ерээн", осетинское "айран" - кислое молоко, айран (43, с.50).

Алан - древнейшее и современное самоназвание карачаевцев и балкарцев - "аланин", "карачаевец", "балкарец", "друг", "товарищ", балкарцы и карачаевцы именуют себя этнонимом алан. По мнению проф. Хабичева М.А. этноним алан восходит к слову огълан (овлан > алан) - "сын", "молодой человек", что и подтверждается и семантикой этнонима яс (43, с.109). Сравним караимско-галичское и ногайское яс "сын", "молодой человек" (31, с.359).

Эссентуки (город) - карачаево-балкарская форма Эсентюк (Есентюк.).

Пятигорск (город). Карачаево-балкарское название этого города "Бештау". Как известно, город стоит в окружении пяти гор. Отсюда следует, что нынешнее название - калька из карачаево-балкарского языка: "пять" - беш + "гора" - тау - Пятигорск.

Горячеводск (город). Карачаево-балкарское название - Исси суу. т.е. исси - "горячий (ая)" + суу - "вода". Как пишет Хаджилаев Х.-М.И., "это слово является ничем иным, как калькой карачаево-балкарского названия Исси суу. Так назван этот город по наличию здесь множества теплых и горячих источников" (44, с.43).

Нальчик (город). Топоним Нальчик (карачаево-балкарское Налчыкъ) действительно этимологизируется как

место, где выпадает подкова, срывающий подкову и из слова нал "подкова", которое бытует в карачаево-балкарском языке и чыкъ со значением "выпадать", "выходить" и ни в какой иной дополнительной конкретизации значения не нуждается (44, с.41).

Кисловодск (город). Карачаево-балкарское название Нарсана. Топоним Нарсана образована из нарзан < нарсан < наршан (аршан) - целебный или минеральный источник" + общетюркское ана "мать":

Нарсан + ана > нарсанана > нарсана, где в результате гаплогонии один из одинаково произносимых слогов - ан выпал.

Таким образом, Нарсана - "мать целебных или минеральных источников", "место, богатое нарзанами", что вполне соответствует действительному положению вещей (44, с.41).

Теберда - название местности, курорта и левого притока Кубани. Этимология этого слова вызывает различные толки у специалистов. Однако вероятнее всего этимология, предложенная В.М. Сысоевым из карачаево-балкарского языка теберди - "вытолкнул", в смысле "выселок" (35, с.131). Нужно полагать, что топоним первичен, и по нему стали именовать приток реки Кубани и курорт.

Домбай (поселок) - доммай - "зубр", "огромный". В турецком языке домбай "буйволица". Видимо, слово состоит из домтогъ (в ряде карачаево-балкарских слов начальный [т] перешел в [д] (огузская черта), а перед [п], [б] [м] звук [нг] произносится всегда как [м] (которое в уйгурском языке означает "великий"; тонг (31, с.171) "великий" + имяобразующий аффикс -бай, который, видимо, связан с бой "тело",

"рост", т.е. огромного телосложения (роста),

Исторически родиной кавказского зубра являлась территория Карачая. Слово усвоено многими языками из карачаево-балкарского языка.

Искажение исторической лексикографии (гидронимов, оронимов) ведет к неправильному истолкованию истории коренных (автохтонных) жителей региона.

Все, что было написано после 1943 года (в том году карачаевцы и балкарцы были депортированы в Среднюю Азию и Казахстан и им было запрещено заниматься творческим трудом. Работы проф. В.И. Абаева и его учеников нельзя принимать всерьез - это наукообразные работы, порочащие былую славу жителей истоков верховьев Кубани и Теберды (I).

Таким образом, заимствования, безусловно, обогатили карачаево-балкарский язык и, в свою очередь, карачаево-балкарский язык внес и свой вклад в русский и другие языки (через русский).

Заметим, что в результате влияния русского языка на карачаево-балкарский язык, многие слова, ранее заимствованные из других языков, превращаются в архаизмы, сходят со сцены или продолжают существовать в языке в качестве синонимов. В основном это касается арабизмов: общество вместо джамагъат, тетрадь вместо дефтер, магнит вместо мукъладис и т.д.

Взаимовлиянию и взаимообогащению национальных языков, литератур и культур способствует постоянные встречи и обмен опытом лингвистов, литераторов, работников культуры и искусства различных национальностей.

Развитие и взаимообогащение национальных языков

во многом зависит и от того, в какой мере литературное наследие того или иного народа переведено на русский и национальные языки, стало достоянием всех граждан СНГ.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать заключение, что основа контактной общности русского и карачаево-балкарского языков была заложена еще в давние времена.

ГЛАВА 2

Существование одинаковых и отличительных средств выразительности в карачаево-балкарском и русском языках как проявление общего и специфического в переносном употреблении слов разноструктурных языков

В истории развития человечества трудно найти пример совершенно обособленного существования какого-либо народа, на жизнь и культуру которого не оказывали бы влияния другой народ или нация. Напротив, как народы, так и их языки в ходе своего развития сталкивались с другими народами и языками, вследствие чего и происходило их взаимное влияние. Характер этого взаимовлияния всецело определяется теми отношениями, которые складываются между взаимодействующими народами.

Русская наука, искусство и литература оказывают сильное воздействие на культурное развитие, на духовный мир и язык карачаевского народа. Важнейшим средством этого влияния был и остается русский язык.

Н.Г. Чернышевский писал: "Действительно, чтоб практическое значение языка не пропадало даром, и не приносило только самой обыденной пользы, нужно, чтоб чужой народ, которому язык принадлежит, был в состоянии, по качествам своей политической и умственной жизни, иметь влияние существенное, важное и полезное; иначе высшая цель языкознания нисколько не достигнута..."

На этом основании всего более заслуживает внимания

связь языкознания с переводной литературой, потому что в сущности знание чужих языков делается заметным двигателем в народном образовании только тогда, когда может посредством переводов сообщить народу произведения других литератур" (46, с.17-18).

Русский язык и раскрываемые через него достижения мировой цивилизации стали в наше время величайшим "двигателем в народном образовании", духовном развитии карачаевцев и балкарцев, как и всех новописьменных народов, что, в свою очередь, не могло не сказаться на обогащении не только лексико-фразеологического материала, но и всех составных частей семантики и стилистики карачаево-балкарского языка. Последний, несмотря на небывалые в своей истории сдвиги, все же не в состоянии угнаться за развитием его носителей. Эту мысль высказывает А. Кешоков в "Литературной газете" от 23 июня 1960 г.: "Надо учесть, что культура читателей республик и областей развивалась не параллельно с развитием национальной литературы или не по мере ее формирования на материале русской и мировой классической литературы".

Раскрытие всех вопросов, связанных с влиянием русского языка на младописьменный карачаево-балкарский язык, представляет известный научно-теоретический и практический интерес. Наша задача в этой главе заключается в том, чтобы впервые рассмотреть существование одинаковых и отличительных средств выразительности в карачаево-балкарском и русском языках как проявление общего и специфического в переносном употреблении слов разноструктурных языков.

Употребление слов в прямом и переносном значениях

свойственно всем языкам и представляет собой своеобразное явление. Своеобразие и особенность его заключается в том, что использование слова в другом (несобственном) значении сопровождается употреблением двух разных понятий - исходного и нового. В этой связи, как отмечает В.Г. Гак, "необычность такого сопоставления производит особое впечатление на наши чувства и создает образность или выразительность" (11, с.109).

В переносном употреблении слов с одним и тем же семантическим ядром в разных языках проявляются их общие и специфические свойства. Соответствие тех или иных слов двух языков как по прямому, так и переносному значению рассматривается общим свойством языков в отношении данных средств. Слова же с одним и тем же семантическим ядром, различающиеся в контактирующих языках по переносному употреблению, представляют собой специфическое явление данных языков (51 с.191). Так, слова *сокол* и *иялчин* соответствуют своему прямому значению в русском и карачаево-балкарском языках. Они же употребляются в обоих языках и в значении «быстрый, ловкий человек». Также слова с одним и тем же семантическим ядром *спать* и *джукълау* выступают соответствиями в переносном значении "быть бездеятельным, сонным, вялым". Следовательно, данные слова - соответствия представляют собой общее явление по переносному употреблению.

Если взять *пиявка* и *къан ичген къурт* с одним и тем же прямым значением, то они имеют разные переносные употребления: *пиявка* в русском языке метафорически обозначает человека жадного, эксплуатирующего других, ведущего паразитический образ жизни, карачаево-балкарское же

къртурт обозначает человека вездесущего, быстрого. Таким образом, эти слова по переносному употреблению представляют собой специфические средства.

Соответствие или несоответствие тех или иных слов с одним и тем же семантическим ядром в разных языках по переносному употреблению обусловлено характером переосмысления данных слов.

Если носители обоих языков замещают в соответствующих словах одно значение другим и уподобляют два разных понятия на основании сходных или одинаковых свойств предметов или явлений, выражаемых данными понятиями, то тождественные по прямому значению слова разных языков имеют одинаковое переносное употребление. Например, русские и карачаевцы, обозначая хитрого человека соответственно словами *лиса* и *тюлкую*, т.е. уподобляя через данные слова понятия хитрого человека и лисы, имеют в виду одно и то же сходное свойство этого животного и этого человека - хитрость. Точно также, по общему свойству уподобляемых предметов опорой, нижним концом мебели, механизмов и т.п. и в русском и в карачаево-балкарском языках метафорически употребляются слова *ножка* и *аякъ* в значении ножка стола - столну аягъы, ножка стула - шиндикни аягъы, ножка шкафа - шкафны аягъы и т.д.

Различное переосмысление слов с одним и тем же семантическим ядром *тиявка* и *къртурт* происходит потому, что в русском языке перенос наименования пиявки на человека - паразита осуществляется на основе такого сходного для них явления (свойства), как "жить за счет других", в карачаево-балкарском же языке перенос наименования къртурт на человека вездесущего, не приносящего обществу пользы

осуществляется по такому для них сходному явлению как "быть бездеятельным, неуловимым".

К специфическим относятся также слова с одним и тем же семантическим ядром, одно из которых в первом языке имеет метафорическое употребление, другое во втором - нет.

Различия в переносном употреблении слов с одним и тем же семантическим ядром в разных языках касаются также степени образности, выразительности метафорического наименования, общего удельного веса переосмысления и структуры переносного наименования.

Как известно, по структуре переносные значения слов бывают двух видов: полные и частичные. Полные наименования - это те, которые в структурном плане не отличаются от своих прямых наименований и в которых новое наименование полностью мотивировано исходным. Например: голова - *баш* (часть тела), голова - *баш* (ум), свет - *джарыкъ* (физическое явление), свет - *джарыкълыкъ* (учение, просвещение)...

Частичными называются такие переносы наименования, при которых меняется их структура, т.е. простое слово может быть заменено производным, а словосочетание - сложным словом. Например, зуб - *тиш* - зубчик - *тишчик*, черная рубашка - *къаракелек* - чернорубашечник - *къара келекли* и др. В данных переносах новое значение мотивировано исходным не полностью.

Русскому языку, в отличие от карачаево-балкарского языка, более свойственны неполные переносы. По-видимому, это в некоторой степени объясняется продуктивностью в нем суффиксального словообразования. В ряде случаев непол-

ным переносам в карачаево-балкарском языке соответствуют полные. Например: хвостик - *къуйрукъ*, рука - *къол*, носик - *бурун*, снежок - *къар*, дождик - *джангур*, огонек - *от* и т.п.

Сходства и различия средств выразительности в карачаево-балкарском и русском языках обусловлены их лексико-грамматическими свойствами, т.е. их лексико-синтаксической сочетаемостью. Прямое и переносное значение слов - соответствий гореть - *джаныу* определяется их сочетанием со словами огонь - *от*, лампа и др. (горит огонь - от джанады, лампа горит - лампа джанады); перенос же значения данных слов блестеть - *джылтырау* исходит из их сочетаний со словами-соответствиями глаза - *кезле* (горят глаза - кезле джанадыла).

Соответствие или несоответствие сочетаемостных свойств слов с одним и тем же семантическим ядром в разных языках обуславливает сходство и различие в переносном употреблении данных слов. Если слова с тождественным прямым смыслом в обоих языках могут сочетаться с теми словами-соответствиями, благодаря которым раскрывается их метафорическое значение, то это значит, что данные слова соответствуют и по переносному употреблению. Так, слова-соответствия *семена* и *урлукъ*, прямое значение которых раскрывается в сочетании с определенными словами (например, со словами кукуруза - *нартюх*; семена кукурузы - *нартюх урлукъ*), сочетаясь в обоих языках с другими словами-соответствиями: со словами знание - *билим*, выражают одинаковое переносное значение: семена знаний - *билимни урлугъу*. Если же слово одного языка, соответствующее в прямом значении слову другого языка, не может сочетаться с соответствием того слова, сочетаясь с которым слово другого

языка выражает переносное значение, то это значит, что данное слово не соответствует слову второго языка по метафорическому употреблению. Так, слово *испариться* в сочетании с наименованием лица выражает метафорическое значение "исчезнуть, удалиться" (он испарился). Карачаево-балкарское слово *паргъа айлану (бурулуу)*, являющееся соответствием в прямом значении слова *испариться* (вода испарилась - суу паргъа айланды (бурулду)), не может сочетаться с наименованием лица и, следовательно, не имеет такого переносного употребления, как в русском языке.

Как и во многих языках, в русском и карачаево-балкарском можно выделить две основные формы переносного употребления слов - это метафора и метонимия, которые отличаются друг от друга и семантически и функционально. Метафора представляет собой более глубокую семантическую трансформацию. При метонимическом переносе связь между двумя значениями сохраняется в большей степени. Метафорический перенос является более экспрессивным, чем метонимический. Как отмечает В.Г. Гак, "Опирающийся на устойчивые предметные отношения, метонимический перенос является более обыденным, естественным" (11, с.112).

Метафора. Под этим термином подразумевается "вид тропа, переносное значение слова, основанное на уподоблении одного предмета или явления другому по сходству или по контрасту" (37, с.79).

Когда речь идет о собственно образных средствах русского и карачаево-балкарского языков, прежде всего имеют в виду случаи новой, оригинальной метафоризации, создающие яркие индивидуализированные образы, или слу-

чаи обновления различными способами общеязыковых метафор. Именно свежесть, новизна метафоры является одним из главных ее признаков как образного средства, характерного прежде всего для поэтической речи (24, с.110).

Метафоризации подвергаются прежде всего слова, обозначающие наиболее широкоупотребительные понятия и предметы. В соотносимых языках метафоры составляют в основном одни и те же лексические группы,

К таким метафорам относятся названия растений, животных, частей человеческого тела, явлений природы, родственных связей, предметов быта, материалов, пищи и т.д. В обоих языках имеется множество слов с одним и тем же семантическим ядром, имеющих одинаковые метафорические значения.

В лексике русского и карачаево-балкарского языков метафоры занимают большое место тематические, группы слов. Так, общей является большая часть военной лексики, которая начала употребляться в переносном значении после Великой Отечественной войны. Например, взять рубежи - *чеклени алыргъа*, в тылу врага - *джауну тылында*, ветеран войны - *урушну (къазауатны)* ветераны, фронт строительных работ - *кърулуш ишлени фронту*, военачальник - *аскер башчы* и т.п. Также общим является переносное употребление спортивной терминологии: финиш, раунд, старт, эстафета, марафон, ничейный счет - *ничьялы сан (тенг)*, выйти на первое место - *биринчи орунга чыгъаргъа* ... Из приведенных примеров видно, что многие соответствия переносов в карачаево-балкарском языке являются заимствованиями. Это свидетельствует о том, что данные заимствования проникли в карачаево-балкарский язык с прямым и переносным значе-

ниями.

Общую закономерность в переносном употреблении слов соотносимых языков представляет то, что многие прилагательные обоих языков, обозначающие конкретные, чувственно воспринимаемые признаки, служат одновременно для обозначения более отвлеченных признаков, связанных с психологическим состоянием, моральными качествами и т.п. Такими являются: свободный - *эркин*, светлый - *джарыкъ*, высокий - *мийик*, ласковый - *джумушакъ*, теплый - *джылы*, мягкий - *джумушакъ*, спокойный - *тынч*, добрый - *халал* ...

Большая часть глаголов, обозначающих конкретные физические действия и состояния, составляют также определенную общность с русским языком. Они же используются в обоих языках также для обозначения психических процессов, действий, имеющих менее конкретный характер и т.д. Например: осветить комнату - *комнатаны джарытыргъа*, осветить вопрос - *сорууну ангылатыргъа*; взвесить муку - *унну чегерге*, взвесить силы - *кючюнгю чегерге (керюрге)*; поднять стул - *шиндикни келтюрюрге*, поднять вопрос - *сорууну келтюрюрге*...

В карачаево-балкарском и русском языках используются метафорические переносы, в которых наблюдается как приравнивание какого-либо предмета к человеку, так и уподобление нарицательного предмета одушевленному. Эти переносы могут проявляться в том и другом языках и одинаково и специфично. Так, слова с одним и тем же семантическим ядром: *есть* - *ашагъан* в ряде аналогичных выражений двух языков приобретают переносное (метафорическое) употребление с одинаковым значением: ржавчина разъедает металл - *тот темирни ашайды*, стройка съела все деньги -

кьурулуш болгъан (бютеу) ачханы ашады (джутду). Однако если в предложении Дым ест глаза слово «ест» употребляется в переносном значении т.е. раздражать, то в тождественном по смыслу карачаево-балкарском предложении, соответствующее в прямом значении слову *ест* слово *ашау* не может употребляться в переносном значении: значение слова *ест* передается словом *ачытыу (ачытады, ачытды)* в прямом значении (тютюн кезюнгю ачытды (кезюнгю ачытады)).

Расхождения в метафорических наименованиях в разных языках В.Г. Гак сводит к трем типам (11, с. 115-116) что наблюдается и в переносах эквивалентов русского и карачаево-балкарского языков:

1. Метафоризации подвергаются разные слова в пределах одной лексико-семантической группы. Если в русском языке для выражения нежных чувств в обращении к женщине используется слово голубь (голубка, голубушка), то в карачаево-балкарском языке слово *кегюрчюн (кегюрчюнчюгюм)*, соответствующее в основном номинативном значении слову голубь, такого переносного значения не имеет. Эту функцию выполняет слово *кьарылгъач (кьарылгъачым) - ласточка*.

2. Слова с одним и тем же прямым значением могут иметь разные метафорические значения. Свидетельством этому могут выступить слова-эквиваленты по основному значению змея - *джылан* и овечка (овца) - *кьой*. Змея в переносном смысле обозначает хитрого, плохого человека. Однако в карачаево-балкарском языке *джылан* имеет переносное значение «тихий, медлительный (в движении) человек»: *джыланча созула* - (тянется как змея), т.е. какой ты медли-

тельный! Овечка (овца) в русском языке имеет переносное значение кроткой женщины, *къой* же в карачаево-балкарском языке употребляется в метафорическом значении недалекого человека.

3. Разные слова могут употребляться для выражения одного метафорического значения. В русском языке стройность, изящность девушки обозначается словами "тополь", "береза", в карачаево-балкарском языке - *нызы* - "ель", *наз* - "пихта".

Метонимия. Это вид тропа, в котором явление или предмет обозначается с помощью других слов и понятий. При этом сохраняются сближающие эти явления признаки или связи (165, с.84).

Перенос наименования того или иного предмета или явления на другой предмет или явление по смежности в русском и карачаево-балкарском языках имеет как общие, так и особенные свойства.

Это можно проследить в следующих типах метонимических переносов:

1. Наименование вместилища переносится на его содержание: кипит чайник - *чайник къайнайды*, вскипел самовар - *самовар къайнады*, выпить весь бокал - *сау бокалны ичерге* ...

2. Наименование населенного пункта переносится на его жителей: вышла провожать вся деревня - *ашырыргъа сау эл чыкъды*, Тебердинцы были очень довольны - *Тебердичиле бек разы болдула*...

3. Слова дом, класс, школа, университет, институт, квартира, фабрика, завод и др. могут называть не только здание или помещение (каменный дом, светлый класс, двух-

этажная школа, инструментальный завод), но и группу, коллектив людей: учащихся, жильцов, рабочих, служащих - весь дом вышел на улицу - сау юй орамгъа чыкъды, класс занимается хорошо - класс иги окъуйду, школа вышла на воскресник - школ мамматлыкъгъа (воскресникге) чыкъды, университет приветствует космонавтов - *университет космонавтлагъа салам береди*, институт послал приветствие ветеранам - институт ветеранлагъа алгъышлау къагъыт ийди, вся квартира говорит об этом - сау квартир аны юсюнден айтады и др.

4. Наименование учреждения переносится на помещение, в котором оно находится: идти в школу - школгъа бару, в лаборатории - лабораторияда болуу и др.

Как в русском, так и в карачаево-балкарском языке имеются метонимии, основанные на употреблении названий столиц вместо названий государств, стран, правительств: Дели вместо Индия, Париж вместо Франция, Москва вместо Советский Союз и т.д. Видимо, этот тип метонимии в карачаево-балкарском языке получает свое развитие под влиянием интернационального (рука Москвы - Москваны къолу).

В русском и карачаево-балкарском языке несколько сложнее образуется метонимия, основанная на других типах смежности. Например, при смежности временной одно и то же слово называет как процесс, так и результат этого действия, процесса: работа началась в 10 часов - *иш 10 сагъатда башланды* (работа - иш - действие), курсовая работа лежит на столе - курс иш столдады (работа «иш» - сочинение, т.е. предмет, являющийся итогом, результатом работы как действия). Во время диктанта в классе было тихо - Диктантны заманында класс тауушсуз эди (диктант - процесс диктова-

ния). Ученик сдал свой диктант - Сохта кесини диктантын берди (диктант - то, что написано в результате диктования). Надо понимать, что метонимии такого типа в обоих языках могут привести к двусмысленности некоторых выражений: Мне нравится его работа - Аны ишин мен джаратама (не совсем понятно, нравится ли то, что он сделал, или то, как он работает, или сама работа).

Другие типы метонимии: слово называет и материал, и изделие из этого материала: *стекло - мияла* (вещество полученное из кварцевого песка) - *стекло* (изделие из этого вещества: *стекла очков - кезлюклени миялалары*, *ветровое стекло - джелге кьаричы мияла*, *стекла окон - терезени миялалары* и др.), *золото, серебро, бронза* (как металл и как различные изделия из него: *Золото и серебро получили наши спортсмены, бронза досталась американцам - Бизни спортсменлерибиз алтынны, кюмюшню* да алдыла, *джез* америкачылагъа джетди, т.е. золотые, серебряные и бронзовые медали.

В обоих языках наблюдаются метонимии, основанные на переносе наименования субъекта действия на место действия. Хотя в карачаево-балкарском языке такие метонимии не имеют широкого употребления, однако возникают и развиваются под воздействием русского языка. Например, вместо *Я пойду в поликлинику - Мен поликлиникагъа барлыкьма* допускается говорить *Я пойду к врачу - Мен врачха барлыкьма*. В рассматриваемых языках метонимия может объединять несколько значений слова. *Чай - чай* 1) южное растение (плантации чая); 2) высушенные и обработанные листья этого растения (*пачка чая - чай пачка*); 3) напиток, приготовленный из таких листьев (*чашка чая - чай чашка*); 4) процесс

чаепития (после чая все разошлись - чайдан сора хар ким кетдиле).

Общность в образовании и употреблении метонимии в карачаево-балкарском и русском языках проявляется и в том, что в обоих языках вместо существительных, имеющих временное значение, могут в определенных контекстах употребляться и другие существительные, приобретающие в отдельных случаях функцию обозначения времени: Чайдан сора джукълау - Спать после чая, Успокоиться после кофе - Кофеден сора рахатлангу и др.

Метонимическим переносам подвергаются не только существительные, но и другие части речи. Так, в обоих языках "многие качественные прилагательные могут иметь как значение «обладающий каким-либо качеством» (о живом существе), так и значение «обнаруживающий это качество» (о предмете - в широком смысле), а также значения «вызывающий какое-либо чувство, состояние» и «находящийся в этом состоянии, выражающий это состояние» (49, с.,98). Например: а) умный человек - *акъыллы адам* и умный поступок - *акъыллы иш*; глупый мальчик - *тели джашчыкъ* и глупый вопрос - *тели соруу*; смелый мужчина - *таукел эркиши* и смелые решение - *таукел оноу*; б) веселый день - *джарыкъ кюн* и веселый человек - *джарыкъ адам*; хмурый день - *хыны кюн* и хмурый мальчик - *хыны джашчыкъ* и др. Если мы сравним два словосочетания веселый человек - *джарыкъ адам* и веселая книга - *джарыкъ китаб*, то увидим, что слово веселый - *джарыкъ* в первом случае значит "веселящийся, такой, которому весело", а во втором случае то же слово имеет значение "веселящий, делающий веселым". Смежные явления здесь - человек - адам и книга -

китаб (человек держит книгу - *адам кьолуна китабны алыб турады*, читает книгу - *китаб (ны) окьуйду*). Благодаря такой смежности предметов в карачаево-балкарском и русском языках их признаки получают возможность называться одним и тем же словом - *веселый - джарыкъ*. Вместо "книга, делающая человека веселым - *адамны келюн джарыкъ этген китаб*" мы говорим (как бы сокращенно) "веселая книга - *джарыкъ китаб*". Это метонимия прилагательных. Как в одном, так и в другом языках, именно на метонимии построены разные значения словца *золотой - алтын* (золотые кольца - *алтын джюзюкле* - сделанные из золота и золотые прииски - *алтын чыкъгъан джер* - места, где добывается золото); *медвежий - айю* и медвежья шуба - *айю териден этилген тон* (здесь следует сказать, что в карачаево-балкарском языке при переводе этих метонимических переносов добавляется глагол "*этилген*" - сделанный).

В карачаево-балкарском и русском языках в результате метонимии прилагательных, как и метонимии существительных, могут возникать не вполне ясные по смыслу выражения, например: Это любопытный человек - Ол сейир адамды - то ли любознательный, то ли любопытствующий, то ли вызывающий любопытство: А разрядилась-то куда? Ишь ведь какой чепец на тебе любопытный - *Кьайры омакъ болгъанса?* Аллай сейир чепецинг (къумач беркюнг) барды сени. И уж какой же ты сам любопытный, Ракитин! - *Ракитин, сен кьалай кеб билирге сюйген затса!* (Дост.).

Хотя языки разноструктурны, но метонимические переносы часто используются как художественный прием, как троп, помогающий свежо, образно выразить мысль и в том, и в другом языках. Конечно, сухие, примелькавшиеся, ставшие

прямыми названиями вещей метонимии вряд ли могут быть тропами, т.е. яркими, выразительными художественными средствами. Мы привыкли к обычным значениям таких слов, как детство, юность, старость. Эти слова, как известно, обозначают определенный период в жизни человека. Свежо, необычно звучат такие выражения, как "детство бегало босиком" (В. Сол.)- сабийлик джалан аякъ чабады (чаба эди); "Шутила зрелость, пела юность" (Твар.) - ("*Бишимеклик чам этеди, джашлыкь джырлайды*") и т.д.

В художественной речи карачаево-балкарского и русского языков многочисленны примеры метонимии, построенной на неожиданном сочетании прилагательных, обозначающих цвет, с существительными, которые в обычной, необразной речи иметь при себе подобных определений не могут: "Все вышли на хрустальный *синий холод*" (Луг.) - "*Барысы да ачы сууукьгьа чыкъдыла*" (в данном случае словосочетание «синий холод» переводится на карачаево-балкарский язык как «*ачы сууукь*»);

"Дронов, открыв дверь своим ключом, втолкнул Самгина в *темное тепло*" (Горьк.) - "Дронов, кесини ачхычлары бла эшикни ачыб, Самгинни *джылы кьарангыгьа теберди*".

Метонимические переносы свойственны и многим глаголам. Так, соотношение значений объекта, который подвергается действию, и результата действия наблюдается в ряде глаголов: варить капусту - *къобуста бишириу* и варить щи - *къобуста шорпа бишириу*; рисовать тракториста - *трактористни суратын салыу* и рисовать картину - *сурат салыу* и другие.

Метонимический перенос слов с одним и тем семан-

тическим ядром в разных языках содержит и немало специфических свойств, которые обусловлены особенностями каждого языка.

Основное различие метонимического переноса в русском и карачаево-балкарском языках заключается в том, что русским метонимическим обозначениям могут соответствовать слова в прямом значении и наоборот. Несоответствие метонимических переносов в данных языках вызывается рядом обстоятельств. Рассмотрим некоторые из них:

1. Прямому и переносному значениям слова одного языка соответствуют различные слова другого языка: сочинение рассказов - *хапарла джазыу* и школьное сочинение - *сохталаны сочинениелери*, раздался свисток - *сыбызгыны тауушу чыкды*, помещение в больницу - *больницагъа салыу* (джатдырыу) и жилое помещение - *адам джашагъан юй*. Как видно из примеров, прямым значениям слов *сочинение, свисток, помещение* соответствуют слова *сыбызгыны тауушу, джазыу, юй*.

2. В русском языке существительные, обозначающие части тела, могут употребляться в значении их болезней. Такое употребление обычно встречается в сочетании со словом *приходить*. В карачаево-балкарском же языке такое явление не наблюдается. Боль в той или иной части тела в нем обозначается названиями части тела и словом *ауруу* - болезнь: *Прошло у вас горло? - Тамагъыгъызны ауругъаны иги (сау) болдуму?*

3. Переносное значение того или иного слова одного языка невозможно передать в другом языке соответствующим словом из-за различий в нормах сочетаемости слов. Например, если для русского языка сочетание слов *умная* и

книга является естественным явлением, то соответствующие им слова *акъыллы* и *китаб* в карачаево-балкарском языке не могут сочетаться, вследствие чего переносное значение слова *умная* в карачаево-балкарском языке приходится передавать словами *терен магъаналы* в прямом значении.

Синекдоха. Сущность синекдохы состоит в том, что одно и то же слово употребляется и как название целого, и для обозначения части целого. В карачаево-балкарском и русском языках слова *рука* - *къол*, *лицо* - *бет*, *голова* - *баш* в основном, прямом значении служат названиями частей тела (пожарь руку - *къол тутаргъа*, загорелое лицо - *кюнде кюйген бет*, красивый рот - *ариу аууз*, голова болит - *баш (ым) ауруиду*). Но каждое из них как синекдоха может выступать в значении *человек* (название части вместо целого): «Иван Ильич попал в списки *лиц*, подозреваемых в участии рабочим» (Л. Тол.) - «Иван Ильич *ишчиле джанлы* болгараны тизгинине тюшгенди», «Акакий Акакиевич решился идти к значительному *лицу*» (Гог.) - «Акакий Акакиевич *улу адамгъа барыргъа таукел болду*».

Общие свойства синекдохы в русском и карачаево-балкарском языках проявляются в следующем:

- а) вместо множественного числа употребляется единственное число: День учителя - *Устазны кюню*, заседание совета - *советни джыйылыуу*; успех достигается только при взаимном понимании города и села - *джетишимле къуру сахар бла элни бири* - *бирин ангылауларындадыла*;
- б) для обозначения людей употребляются названия одежды: черная папаха - *къара бокка* (берк), дубленая шуба - *ийленген тон*, кожаная куртка

– *сахтиян куртка* и др.;

- в) для обозначения человека употребляется наименование физической особенности: *безухий - къулакъсыз*, *косолапый - баймакъ*, *широкоплечий - кенг джауоруңлу* и т.п.;
- г) слова-соответствия употребляются в значении целого: овец держат по двадцать голов; коров отправляют по десять голов - *тууарланы онушар ашырадыла*.
- д) как в русском, так и в карачаево-балкарском языке синекдоха (за исключением таких примеров-случаев как - *лицо* в значении человек, *машина* в значении автомобиль и др.), как и другие виды, является одним из образных средств речи, подчеркивая какую-то существенную или просто бросающуюся в глаза деталь, освежая речь. Например, «Все флаги в гости будут к нам» (Пушк.) - *"Болгъан байракъла бизде къонакъда боллукъдула"*. Также в обоих языках имеют место такие переносы на основе синекдохи, как первая перчатка - *биринчи къоллукъ*, вторая ракетка страны и т.п. (перчатка - *къоллукъ*; боксер - *боксерчу*, ракетка - *ракетка*, теннисист - *теннис ойнаучу*).

Вместе с тем следует отметить и специфические особенности рассматриваемых языков.

Если некоторые названия лиц единственного числа употребляются как множественное число в русском языке, то во втором рассматриваемом языке они принимают форму множественного числа. Например, «Зверь в этот голодный год лютый, надо быть с ним осторожней» (Мал.) – «Джа-

ныуарла бу ач джыл кьоркьуулудула, ала бла сакь болургъа кереди".

В сопоставляемых языках некоторые названия одежды, употребляющиеся для обозначения лиц, различаются. Так, например, в русском языке в переносном просторечном употреблении слово *юбка* обозначает женщину, а в карачаево-балкарском языке для обозначения этого же применяется слово *джаулуьк* – «платок»: «Петя, старший сын нашего директора, ох, до чего охоч до юбок» (Мал.) – «*Бизни директорубузну тамада джашы джаулуькьуланы бек сюеди*».

Таким образом, русские слова и их эквиваленты в карачаево-балкарском языке могут быть и метафорические, и метонимические переносы, причем можно пронаблюдать, как показывают приведенные выше примеры, тождество и специфику каждого из корреспондирующих языков.

ГЛАВА 3

Сравнения карачаево-балкарского и русского языков

Сравнения - это такой вид тропов, который более всего характеризуется общими свойствами в разных языках. Общность проявляется в их семантике, образности и структуре (40, с. 199).

Общий фонд сравнений в карачаево-балкарском и русском языках делится на: а) уподобляющиеся в обоих языках одинаковые и сходные средства; б) потенциальные возможности отдельных языков, которые при контактировании языков становятся их общим достоянием. Эти возможности реализуются посредством точного перевода сравнения одного языка на другой.

Анализ переводов художественной, научной и публицистической литературы показывает, что сравнения в большинстве своем передаются с русского языка на карачаево-балкарский и наоборот с сохранением своего основного значения, структуры и образности, что приводит к развитию общего фонда тропов.

Возможность точного перевода сравнений обусловлена двумя факторами: 1) существованием значительного количества общего в жизни и быту карачаевцев и русских, в условиях жизни, адекватных орудий труда, которыми пользуются носители данных языков, в их отношениях между собой, в характере мышления (внеязыковой); 2) сходством процесса сравнения и структурой самих сравнений в обоих языках (языковой).

Как считают лингвисты, в процессе сравнения участвуют три элемента. Первый - уподобляемый член, второй - уподобляющий член и третий - "связка" (39, с.200). Уподобляющий член выражает признак или предмета, или признака, или действия, выступающих уподобляемым членом. Например:

а) Глаза теленка точно яблоки (Ал.) - *бузоуну кезлери алмалачадыла; сабий мелек кибикди* - ребенок словно ангел (архангел) (сравнения-соответствия точно яблоки - *алмалачадыла и мелек кибик* - словно ангел (архангел) выражают признаки предметов – соответствий, обозначенных существительными *кезле* - глаза и *сабий* -ребенок),

б) Мягкие, как клубы дыма (Горьк.) - *бурулуб чыкьгъан тютюн кибик джумушакъ*; нежная, как утренний ветерок (Бон.) - *эртденнги аяз кибик ингил*; Василий, хмурый, как октябрьский день (Горьк.) – *Василий октябрь кюнча мыдахды* (в данных фразах сравнения-соответствия как клубы дыма - *бурулуб чыкьгъан тютюн кибик*, как утренний ветерок - *эртденнги аяз кибик*, как октябрьский день - *октябрь кюнча* выражают признаки признаков, обозначенных прилагательными-соответствиями *мягкие* - *джумушакъ*, *нежная* – *ингил*, *хмурый* - *мыдах*);

в) Дрожал, как убитый заморозками поздний дубовый лист (Шол.) - *кърау ургъан эмен чапракъча къалтырады* как грибы после дождя, растут заводы и фабрики - *заводла бла фабрикала джангурдан сора чыкьгъан джууалача еседиле* (в этих формах сравнения-соответствия как грибы после дождя - *джангурдан сора чыкьгъан джууалача* и как убитый заморозками поздний дубовый лист - *кърау ургъан эмен чапракъча* выражают признак действий, обозначенных соответст-

виями-глаголами: растут – *еседиле*, дрожал – *кьалтыраиды*). В данных соответствующих фразах вместе с сравнениями двух языков связками выступают различные союзы и послелоги, и послеложные слова, находящиеся в составе поясняющего элемента - сравнения.

Как в русском, так и в карачаево-балкарском языке сравнения в основном выражают признак не только одного уподобляемого ими члена, а нескольких членов вместе: или признак признака предмета и самого предмета вместе или признак признака действия и самого действия вместе, или признак предмета и действия вместе и т.д. Так, в соответствующих фразах Девичьи слезы - точно роса на восходе солнца (Шол.) - *Кьыз джы-ламукъла эртденги чыкъ тамчылачадыла* сравнения-соответствия что роса на восходе солнца - *эртденги кюнде чыкъ тамчылача* выражают признак признака предмета, обозначенного словами девичьи - *кьыз* и признак предмета, выраженного словами слезы - *джыла-мукъла*.

В ряде случаев длительное контактирование языков, их взаимосвязь привели к созданию общего фонда. Чаще всего такие сравнительные обороты в языке художественного произведения создаются как результат перевода.

Благодаря именно переводу некоторые сравнения русского языка проникли в живую ткань карачаево-балкарского языка. Так, например, слово калач - *кьалач* приобрело в устах карачаевцев и балкарцев вторую жизнь: лежал калачиком (Горьк.) - *кьалашича бурулуб джатады* и др.

В связи с рассмотренными лексико-грамматическими отношениями между элементами сравнения следует заметить отдельные факты объяснения семантических отношений ме-

жду уподобляющим и уподобляемым компонентами процесса сравнения.

В следующем параграфе постараемся конкретнее рассмотреть структуру сравнений сопоставляемых языков.

3.1. Структура сравнений

Как в русском, так и в карачаево-балкарском языке имеются сравнения, состоящие из одного или нескольких компонентов:

1. Сравнения, состоящие из одного слова - существительного или части речи, выполняющей функцию существительного. Это довольно распространенный элементарный вид сравнений. Такие сравнения обычно в данных языках представляют собой соответствия: как звезда - *джулдуз кибик*, как день - *кюн кибик*, как циклоп - *змеген кибик*, подобно змее - *джыланча* (джыланнга ушаш), словно камень - *таш кибик*...

Для русского языка характерно сравнение, выраженное формой творительного падежа. Это свойственно для языка фольклора и художественных текстов: поет соловьем, летит соколом, летит стрелой и др. Как правило, в карачаево-балкарском языке такие сравнения передаются при помощи существительного с послелогом, которому в русском языке соответствует союз как, как будто и т.п.

2. Сравнения, состоящие из существительного и слов, относящихся к нему. Это наиболее широко распространенный вид сравнений: словно ботва картошки - *гардош баш кибик*, как глыба камня - *мазаллы ташча*, как привязанная собака - *тагыылган итча*, подобно грому среди ясного дня -

ачыкъ кюн кек кюкюрегенча и т.д.

3. Сравнения в русском языке, состоящие из одного прилагательного или причастия, а также из прилагательного или причастия с относящимися к ним словами. В подобных им по смыслу карачаево-балкарских сравнениях соответствующее прилагательное или причастие обязательно дополняется существительным *зат* "вещь, предмет" или каким-нибудь другим существительным, в соответствии со значением сравнения, поскольку образование в карачаево-балкарском языке сравнения лишь из прилагательного или причастия невозможно: бумага, как живая, сопротивляется – *къагъыт, джаны болгъан затча, къарышады* (здесь добавлено слово *зат* "вещь, предмет"); она стояла неподвижно, как вкопанная (Шол.) – *ол, джерге урулгъан къазыкъча, къымылдамай сюледди* (здесь добавлено слово *къазыкъ* – кол).

4. Сравнения, состоящие из имен прилагательных, вторая часть которых является как бы стандартизированным показателем сравнения: -видный, -образный, -подобный: серповидный – *оракъгъа ушаи*, миндалевидный – *миндалгъа ушаи*, копьеобразный – *копъегъа ушаи*, зигзагообразный – *айланчха ушаи*, громоподобный – *кек кюкюрегенге ушаи*, скотоподобный – *хайыуаннга ушаи*.

Названным стандартизированным показателям русского языка соответствует в карачаево-балкарском языке слово *ушаи*, который оформляется отдельно.

5. Сравнения, состоящие из имен прилагательных, в которых одновременно содержится объект и как бы часть предмета сравнения, которая составляет основу (признак) сравнения как в русском, так и в карачаево-балкарском язы-

ке: это прилагательные, включающие компоненты -ногий, -носый, -хвостый, -рогий, -зубый, -головый, -крылый: змееголовый (с головой как у змеи) - *джыланбаш* (башы джыланны башыча), шишконосый (с носом, напоминающий шишку) - *гагарак бурун* (бурну гагаракга ушагъан), вилохвостый (с хвостом, напоминающий вилы) - *сенек къуйрукъ* (къуйругъу сенекге ушагъан) и другие,

6. Сравнения, состоящие из одного глагола и глагольных форм или глагола с относящимися к нему словами: словно бы прицеливаясь - атаргъа марагъанча, как будто всю ночь пролежал в луже (Дост.) - сау кечени батмакъда джатханча... В русском языке имеются специфические неполные конструкции, уподобляемые в качестве сравнений, в которых глагол опускается, но подразумевается из контекста. При переводе на карачаево-балкарский язык соответствующий глагол обязательно употребляется: привстал и бабу за косу, как редьку, за вихор (Некр.) (пропущен глагол потянул, который подразумевается из контекста) - турманы башындан (чапракъларындан) тартханча, къатынны эшмелеринден тартды.

7. Сравнения типа величиной с дом - *уллулугъу юйча*, с вишню - *балийча*, с собаку - *итча*. Эти конструкции обычно характеризуют величину, рост, ширину, глубину и т.п.

Русскому сравнению типа величиной с дом (существительное с предлогом с) в карачаево-балкарском соответствует существительное с аффиксом -ча, имеющий в своей семантике оттенок сравнения.

8. Сравнения с предлогами в роде, наподобие: нахохлился вроде воробья - *шорбат чытчыкъча, кебдю*, вытянул шею наподобие гусыни - *бойнун къазча созду*...

Сравнения с предлогами вроде, наподобие передаются

также при помощи аффикса - ча.

9. Сравнения типа именительный падеж + инфинитив: (он) зверь работать - (ол) ишлерге джаныуарды.

Сравнениям типа именительный падеж + инфинитив в русском языке соответствует в карачаево-балкарском такая же конструкция.

10. Сравнительные конструкции с союзом как и синонимичными ему словно, будто, характеризуют сравниваемый предмет либо по признаку, либо по способу действия: храбрый как лев - *асланча этгюрдю*, сидеть, как истукан - *башына урулганча олтурургъа*, извиваться как змея - *джыланча чырмалыргъа*...

Выше были приведены структурные типы наиболее употребительных в обоих языках сравнений. Разновидность и соотношения их в корреспондируемых языках, разумеется, не исчерпываются указанными структурными типами. В практике контактирования языков наблюдаются различные трансформации типов сравнений с одним и тем же значением и одной и той же образностью, обусловленные лексико-грамматическими особенностями языков. Остановимся на некоторых структурных изменениях сравнений данных языков, соответствующих по значению выражаемым ими образам.

1. В отличие от сравнений русского языка, состоящих из существительного в родительном падеже с предлогом у и союза как, выражающих признак предмета, обозначенного существительным в составе употребляемой части, и признак признака данного предмета, а также признак действия, в соответствующих сравнениях карачаево-балкарского языка существительное, признак которого выражает сравнение, по-

вторяется и в составе самого сравнения: большие, черные, как у теленка, глаза - *улуу, кьа-ра кезлери, бузоунукьулача, кезлери*; усы, густые и длинные, то и дело вздрагивали, как у kota (Горьк.) - *кьалын, узун мыйыкълары, киштикни мыйыкъларыча, кьымылдайдыла (кьалтырайдыла)* (здесь слово "усы" - *мыйыкълары* и слово "глаза" - повторяются).

2. В сравнениях карачаево-балкарского языка, в которых уподобление основано на одном и том же процессе в уподобляемой и уподобляющей частях, слова, выражающие данный процесс, повторяются в обеих частях; в соответствующих по значению сравнениях русского языка глагол употребляется лишь в уподобляемой части процесса сравнения, само же сравнение выражается специфической безглагольной конструкцией, в которой значение процесса понимается из глагола, находящегося в уподобляемой части. Например, крепко-крепко, как в тисках, сжимать обеими руками - *кьолла бла, темир кьысхачлача, кьаты кьысаргьа...*

3. Некоторые несоответствия отдельных слов сравнений двух языков, в основном адекватных по значению и образности, обусловлены различиями в нормах сочетаемости лексем-соответствий. В сравнении как не умирают ручьи, впадающие в реку, слово *умирают* свободно сочетается со словом *ручьи*. Их соответствия в карачаево-балкарском языке *суучукьла* и *елмейдиле* не сочетаются, вследствие чего слово *елмейдиле* заменяется словосочетанием *тас болдула* (пропадают).

4. При переводе отдельные слова сравнения одного языка подвергаются изменению в целях обеспечения естественного звучания соответствующего сравнения в другом языке: и все одно и то же, как барабан - *дауурбасны ургьан*

кибик, хаман да бирчады (здесь в отличие от русского языка добавляется глагол *ургъан* "бить"), *отдан келек кийгенча чарлады* (Ап.) - Возмутился очень сильно (в данном случае идиоматическое выражение *отдан келек кийгенча*) досл. Испугался до того сильно...) никак не переводится на русский язык.

При указанных и подобных им других изменениях сравнений, происходящих в процессе контактирования языков, образность данных средств в основном сохраняется.

Номинация, являясь общей функцией любого языка, в конкретных языках проявляется по-разному, «Способы объединения и разъединения значений в структуре слова обусловлены семантической системой языка в целом или отдельных его стилей» (9, с.18). Проблема номинации для такой конкретной пары языков как карачаево-балкарский и русский, осложнена целым рядом обстоятельств. Благодаря характерному для карачаево-балкарского языка "полисинтезизму" (семантическим стяжениям), в нем заложены большие потенциальные возможности однословного выражения понятий, которые в русском языке передаются многословным сочетанием. Карачаево-балкарский язык в ходе становления и развития довел до совершенства процесс словосложения как способа построения разнообразных единиц номинации - от простых до самых сложных. Словосложение - один из продуктивнейших способов словообразования в карачаево-балкарском языке.

На наш взгляд, в этом плане представляет интерес и рассмотрение соотношений средств связи в сравнениях двух языков.

В большинстве сравнений русского языка средством

связи выступает союз **как**, которому в тождественных по значению карачаево-балкарских сравнениях больше всего соответствует послелог *кибик*. Послелог *кибик* обычно употребляется для выражения внутреннего качества, смысловых особенностей предмета или явления.

Соответствия отдельных средств связи в сравнениях русского и карачаево-балкарского языков можно проследить в контексте:

Союз **как** - послелог *кибик*. Этот тип соответствий наиболее употребительный. Например: как гром среди ясного дня - ариу кюн кек кюкюреген кибик; как хмурый день - хыны юон кибик; как вишни - балийле кибик; капризы, как у маленького ребенка - кылыкьсызлыгы гитче сабий кибик-ди и др.

Союзы **словно, подобно, точно, будто**, а также слова **похоже, казалось**, форма творительного падежа, обязательное соседство компонентов сравнения и другие средства русского языка передают значение послелога *кибик*: словно птица в полете - учхан къанатлы кибик; точно зверь, непременно место себе выбирает (Горьк.) - амалсыз джаньуар кесине орун сайлагъан кибик...

Слово **похоже** с предлогом **на** - слово *ушаш*, которые представляют собой соответствия и в основном номинативном значении: похоже было на плавание судна по бурному морю (Пушк.) - боркъулдагъан тенгизде кеме джюзгеннге ушаш...

Союз **как** - уподобительный аффикс **-ча**: прыгать, как стрекоза - каскача чынгаргъа (секириге); петь, как соловей - булбулча джырларгъа и т.п.

В некоторых случаях (смотри выше) такую функцию

связи фактически выполняет уподобительный аффикс - ча

Средства связи компонентов сравнений двух языков не ограничиваются указанными. Однако и то, что рассмотрено, дает основание утверждать, что в сравнениях карачаево-балкарского и русского языков выявляются сходные широкоупотребительные соответствия, в особенности такие, как сравнительные союзы и уподобительные послелогои, отдельные слова и некоторые другие средства.

Итак, в отношении структуры сравнений данных языков мы можем сделать вывод, что в построении уподобляемой и уподобляющей частей сравнений, а также компонентов самого сравнения, в их лексико-грамматических отношениях и характере средств связи проявляются как общие, так и специфические свойства двух языков.

3.2. Образная система сравнений

Сравнения являются одной из разновидностей образных средств языка, которые употребляются обычно в переносном значении. Как известно, переносность и образность взаимно обусловлены. Однако не следует говорить об их тождественности, так как не всегда слова в переносном значении выражают образ в языке художественной литературы. Слово и в прямом значении может стать образным выразительным средством, если «получает различные смысловые сдвиги от нормативных значений» (42, с.11).

Вместе с тем следует заметить, что сравнения с одним и тем же переносным значением в разных языках могут выражать разные образы.

В рассматриваемых языках можно выделить два основных типа сравнений: а) сравнения, соответствующие как по переносному значению, так и по выражаемому ими образу; б) сравнения, соответствующие по переносному значению, но построенные на разных образах. При этом если первый тип предполагает соответствие основного значения всех или основных компонентов, то второй тип не предполагает обязательного соответствия основного номинативного значения. Так, например, сравнения как две капли воды и *эки суу тамчы кибик* соответствуют и по переносному значению (быть очень похожими) и выражаемому им образу.

В изобразительных средствах языка находят отражение национальные особенности, психология народа, поэтому, естественно, компоненты сравнений, их лексическая наполняемость своеобразна в каждом из сопоставляемых языков. Так, например, желая отметить большую работоспособность человека, по-русски говорят работает, как вол, а карачаевцы и балкарцы сравнивают хорошую работу человека с работой осла: *эшек кибик, ишлейди*. В русском языке сравнение с ослом, обычно носит негативный характер и связывается с совершенно другим крутом слов: упрямый, как осел.

Сравнения, которые соответствуют и по переносному, и по выражаемому ими образу принято считать общим явлением, а сравнения, которые соответствуют по переносному значению, но не передают одинаковую образность, - специфическим явлением соотносимых языков.

Большинство соотносимых сравнений карачаево-балкарского и русского языков представляют собой в системе лексических изобразительных средств общие явления, так как они соответствуют в основном по своим образам и пере

носным значениям.

Существование большой общности в жизни и быту у карачаевцев, балкарцев и русских, общность в явлениях природы, предметах и орудиях труда обусловили совпадение образов, которые находят отражение в сравнениях.

В рассматриваемых языках объект отражения сравнений представляет большое разнообразие предметов и явлений, которые имеют то или иное отношение к жизни человека и в основном являются общими для многих народов, в особенности же для русских, карачаевцев и балкарцев, общественная жизнь которых в своей основе едина.

Наиболее распространенные семантические группы слов, которые подвергаются метафорическому уподоблению в сравнениях карачаево-балкарского и русского языков, можно наблюдать в целом ряде тематических групп.

1. Названия драгоценных металлов и камней: золото, серебро, медь, рубин, феоцит, бриллиант, александрит, жемчуг, янтарь и др. Названные камни и металлы обычно используются в языке для выражения лучших качеств человека, его чистоты, внешности, изображения явлений природы. Глазки на его черном исхудалом лице блестели жемчугом - аны арыкъ къара бетинде кезчюклери инджилеча джылтырай эдиле и т.д. В карачаево-балкарском и русском языках названия драгоценных металлов и камней в основном соответствуют образам, созданным на основе сравнений.

В тот вечер все небо было в золоте - вокруг темно, наверху ни единого облачка, а небо! Так и хотелось достать эти золотые крупинки (Байрам.) - Ол ингирде кек алтын кибик эди -тегерек къарангы, башынгда бир джангыз булутчукъ да джокъ, кек а! Алтын бюртюкчюклени узалыб алырынг келе

эди; Синяя гладь моря переливалась как серебро - тенгизни юсю кюмюш кибик джылгырай эди;

2. Названия птиц и животных: В сравнениях русского и карачаево-балкарского языков в основном используются названия домашних птиц и животных. Например: Можете быть уверены, то, что Асташенко замышляет против царского престола, будут творить и его карачаевские единомышленники: поэтому их надо немедленно переловить, как собак (Куб.) – «Асташенко бизге этерик аманлыгъын, негерлерине да этдирирге кюреширигине сезсюз болугъуз, быланы барын да, *итлени* тутханча, ту-таргъа керекди»; как мокрая курица - суугъа тюшген *тауукъ* кибик; храпеть как кошка - *кишдикча* хурулдаргъа и др. При сравнениях часто употребляются названия таких животных, как змея - *джылан*, лягушка - *макъа*, волк - *берю*, лиса - *тюлкю*, медведь - *айю*, соловей - *булбул*, жаворонок - *тепели чыпчыкъ*, лошадь - *ат* (алаша), осел - *эшек*, лев - *аслан*, тигр - *къаплан*. Особо следует обратить внимание на то, что в обоих языках часто употребляются названия таких животных и птиц, как волк, орел, собака, змея, лиса, конь, лев и другие. Здесь следует отметить и тот факт, что нередки случаи употребления и самих названий зверь и птица. Как в русском, так и в карачаево-балкарском языках в метафорическое сравнение с употреблением названия какого-нибудь животного вкладывается положительная или отрицательная черта человека. Для подтверждения сказанного приведем примеры: «В это время он представлял из себя жадного зверя» (Байрам.) – «Ол заманда аны тюрсюню ач *джаныуаргъа* ушай эд» (имеется в виду «был очень голодным»); «Праздник удался: парашютисты парили в воздухе, как птицы» (Л.З.) – «Байрам аламат болду:

парашютчула, къанатлылача, ариу уча эдиле».

Многие образы, созданные в сравнениях с названиями животных и птиц в обоих языках основаны на одних и тех же наблюдениях, характерных для животных и птиц. Так, в русском и карачаево-балкарском языках олицетворением жадности является волк - *берю*, хитрости лиса - *тюлкую*, трусости заяц - *къоян*, мужества лев - *аслан*, бестолковости овца - *къой*, быстроты в движении кошка - *киштик* и другие.

Но нередко образы, созданные с использованием одного и того же названия животного или птицы, носят различный характер. Эти различия объясняются тем, что одни сравнения основаны на одном, другие на другом свойстве того или иного животного или птицы. Так, если сравнение лететь птицей основано на свойстве ее быстро и красиво передвигаться по воздуху, то сравнение как вольная птица основано на ее свойстве быть вольной, сравнение же как птица в клетке - на свойстве птицы, находящейся в клетке, быть несвободной. Одни сравнения со словом свинья основаны на ее свойстве быть грязной, валяться в грязи (например, валяется, как свинья - *тонгуз* кибик аунайды), другие - на ее свойстве быть жирной (например, смотрит, как сытая свинья - *семиз тонгуз* кибик къарайды). Одни сравнения со словом собака построены на ее отрицательных свойствах (как подлые собаки - *аман* (сыйсыз) *итча*; другие - на положительных (например, сравнения, основанные на таком свойстве собаки, как быть верной хозяину): замок, как собака верная - *кирит, итча, кертиди*; третьи - на свойстве жить плохо, бездомно и голодно (например, живем мы, как собаки - *биз итлеча джашайбыз* и др.).

3. Названия явлений природы и небесных тел, с кото-

рыми человек сталкивается издавна: звезда, утро, сумерки, восход, заход, волна, гора, равнина, молния, гром, туча, наразан, вода, ручей, снег, мороз, иней и др. Образы, созданные с использованием названий явлений природы и небесных тел, в обоих языках очень часто соответствуют, так как количество сравнений с данными названиями очень велико. Это можно объяснить тем, что и русские, и карачаевцы, и балкарцы при создании образов руководствовались главным образом одними и теми же свойствами природных явлений и небесных тел. Так, например, для создания сравнений со словом мороз - *сууукъ* прежде всего бралось во внимание его истинное свойство быть холодным: от него веет морозом - анда бир *сууукъ* шарт барды; Он (Иван) преградил дорогу матери, словно огромная гора в ущелье» (Мал.) – «Ол (Иван) езенде уллу *тауча*, анасыны джолун джабды; солнце - его яркость: сияет как солнце - кюнча джылытады; со словом молния - ее мгновенность: пронеслась мысль, как молния – оюм, шыбылача, дженгил етдю; со словом поток - ее стремительность, сила: поздравления, как поток после дождя - алгышлаула джангурдан сора ырхыча и др.

4. Названия пищи: хлеб, соль; масло, мясо, молоко и др.: теплые, словно брызги парного молока (Шол.) - Джангы сауулгъан сют тамчыла кибик; «Вершины гор были белые, как сахар» (Став.) – «Таулары теппелери шекер башла кибик акъ эдиле» и др. Приведенные примеры доказывают, что сравнения с названиями пищи тождественны в карачаево-балкарском и русском языках. Здесь следует сказать и о роли перевода сравнений с русского на карачаево-балкарский.

5. Названия растений и их частей: тополь, елка, береза, ива, яблоня, туя, пихта, свекла, кукуруза, арбуз, дыня, ка-

пуста... В ряде сравнений карачаево-балкарского и русского языков, созданных на основе названий растений и их частей, образы соответствуют. Это говорит о том, что носители обоих языков одинаково уподобляют свойства многих растений. Так, молодость, красота, свежесть сравниваются с цветами: роза - *гюл*, сирень - *сирень*, гвоздика - *гвоздика*, тюльпан - *тюльпан*, сравнения с названиями деревьев стройность: ель - *нызы*, тополь - *бусаьк*, пихта - *наз* и др, сила, могущество: дуб - *эмен*, чинара - *чынар* и др. Но говоря о сравнениях, создающихся по свойствам одного и того же растения, как и других предметов и явлений, следует заметить, что речь идет о наиболее распространенных сравнениях, которые созданы по главному свойству или основным свойствам отдельных растений.

6. Названия лиц: дедушка, бабушка, мать, отец, брат, сестра, дядя, тетя, девочка, мальчик, мужчина, люди и др. Например, «*Айшат была для своего младшего брата Салиха как мать...*» (Хуб.) – «*Айшат кесини гитче кьарнашчыгъы Салихха анасыча эди...*», Они были друг другу как родные братья (Мал.) - *Ала бир-бирлерине туугъан кьарнашлача эдиле*. В этой группе не может быть разницы в сравнениях, так как главные свойства и качества людей одинаковы.

7. Названия предметов домашнего обихода и их частей: грабли, тяпка, пила, замок, игла, пружина, молот и др.

В русском и карачаево-балкарском языке большинство названий предметов имеют одинаковые переносные значения, и сравнения, образованные с помощью этих названий с относящимися к ним словами, выражают сходные или одинаковые образы: У него язык как пила - Аны тили мычхычады; «Каждое слово Абрека – как игла: он так может коль-

нуть...» (Хуб.) – «Абрекни хар сезю ийнечады: алай чанча билликди». Как белка в колесе - Чархда бурулган агъач къоян кибик и др.

8. Слова, выражающие основные действия человека. Они могут употребляться как сравнения и отдельно, но в основном употребляются с относящимися к ним словами. Такая семантическая группа слов имеет широкое употребление в сравнениях соотносимых языков. В сравнениях, состоящих из словосочетаний, меньше случаев соответствия образов в двух языках, чем в сравнениях с рассмотренными группами слов. Это объясняется тем, что в первых многозначность и правила сочетаемости слов проявляются в большей степени,

В сравнениях карачаево-балкарского и русского языков можно выделить два основных вида: 1) языковые или общенародные, т.е., сравнения, созданные народом; 2) сравнения индивидуального характера, т.е. такие сравнения, которые создали сами поэты и писатели. Если первый тип основывается на том, что такие сравнения издавна бытуют в народе, ими пользуются люди, и их значения широко известны, то сравнения второго типа порой являются неожиданными, ранее не услышанными, т.к. автор впервые придумал такое образное метафорическое сравнение. К индивидуальным сравнениям можно отнести такие примеры «Волосы на голове Ахмата блестели, как вершина двуглавого Эльбруса» (Батч.) – «Ахматны башында тюклери Минги Тауну айры башыча джылтырай эдиле»; как белая лебедь на синей волне (Суюн.) - кек толкъунда акъ къанкъазлай; как в каменном мешке (Байрм.) - темир машокдача; как у бога за пазухой - аллахны этегини тубюндеча и др.

9. Названия построений, жилищ и их частей: стена,

дом, крыша, амбар, гараж, клуб, институт, завод, ступеньки, крыльцо и др.

10. Названия профессий, должностей, титулов: профессор, учитель, врач, инженер, предводитель и т.п.

11. Слова, выражающие психическое и физическое состояние человека: болезнь, мертвый, больной, сон и т.д.

12. Названия животных, которых не существуют: кащей, леший, циклоп, дракон, домовый и др.

В современную эпоху, когда народы России осуществляют демократического преобразования во всех сферах экономической, социальной и культурной жизни, особое значение приобретает свободное владение родным и русским языком, а также широкий круг практики перевода с русского на карачаево-балкарский язык и с карачаево-балкарского на русский язык. Все это дает заметный сдвиг во взаимообогащении сравнениями - как общенародными, так и индивидуально-авторскими. Однако речь идет не о заимствовании в прямом смысле слов, а о создании средствами родного языка новых выразительных средств по образцу сравнений другого языка, т.е. о заимствовании переносного значения и образов сравнений другого языка.

В результате такого взаимообогащения языков развивается и художественное, образное мышление носителей этих языков.

Таким образом, общий фонд сравнений карачаево-балкарского и русского языков, как и других тропов, развивается.

3.3. Способы перевода сравнений с русского на карачаево-балкарский язык

За последние десятилетия карачаево-балкарский язык обогатился большим количеством сравнений, калькированных с русского языка. Так, например, в карачаево-балкарском языке используются такие образные сравнения, переведенные с русского языка, как: как угорелый - *отха тюшгенча*, как в рот воды набрал - *ауузунда сууу болганча*, как сумасшедший - *алынганча*, как рыба в песке - *къумгъа тюшген чабакъча*, подобно грому среди ясного дня - *джарыкъ кюн кек кюкюрегенча* и др. стали активно употребляться как в разговорной речи, так и в литературном языке.

Процесс взаимообогащения языков изобразительно-выразительными средствами посредством калькирования ставит задачу разработки принципов и способов перевода данных средств.

В многочисленных работах по переводу высказывается мнение, что основной принцип полноценного перевода лексических изобразительных средств заключается в наиболее полной передаче значения и художественных особенностей - образности, эмоционально-экспрессивной силы оригинала при одновременном строгом соблюдении норм языка (39, с.151).

Такой принцип предполагает четыре основных способа перевода тропов, в том числе сравнений (52, с.74-76; 53, с.63).

Первый способ. Дословный перевод или калькирование, при котором каждое слово тропа оригинала передается

отдельным словом языка перевода, соответствующим ему по основному номинативному значению. «Условием такого способа передачи является соответствие перевода оригиналу по переносному значению, образности и, следовательно, по эмоционально-экспрессивной силе. В то же время дословная передача ни в коем случае не должна приводить к нарушению норм языка перевода. Данным способом большей частью переводятся сравнения, состоящие из одного слова со средством связи, а также сравнения, не очень большие по составу» (51, с.214). Например: храпел, как медведь - *айю кибик*, хурулдайды; выл, как собака - *ит кибик*, улуйду; спал, как мертвый - *елюк кибик*, джукълайды; лил как из ведра - *челекден кьуйгъанча кьуйды*, волосы как смола - *чачы, чайырча кьарады*; холодный, как лед - *бузча сууукъ*; бледный как лист - *къагъытча акъ*; высокий, как гора - *тауча мийик* и другие.

Второй способ. Перевод с некоторым изменением отдельных компонентов, при котором наиболее существенные компоненты оригинала передаются соответствующими по основному номинативному значению словами, вследствие чего образ исходного языка в основном сохраняется. «Такое изменение необходимо для достижения естественности и большей выразительности сравнения в языке перевода» (51, с.215). Так, дословному переводу сравнения «Джюнгге тюшген тауукъча, батмакъдан чыгъалмай кюреше эди» (Байрам.) – «Застрыл в грязи, как курица, попавшая в шерсть» предпочтительнее перевод с некоторым несущественным для значения и образности изменением отдельных слов оригинала: застрыл в грязи, как курица в шерсти (здесь пропущено слово «попавшая» - «тюшген»). Из-за пропуска этого слова

смысловая нагрузка сравнения не меняется, а наоборот, становится более естественной и выразительной). Туз къуйулгъан гыбыг кибик (букв.: как бурдюк, наполненный солью) - как бурдюк соли; аны бети эски чабырлагъа ушай эди (его лицо было похоже на старые чувяки (калоши) - лицо, как старые чувяки; асыры арыкъдан хуппегиси сыгъылгъан бышлакъ кибик (букв.: был таким худым, как сыр, без сыворотки) - как выжатый лимон, ийнеге сууурулгъан халы кибик (букв.: как нитка, вдетая в иголку) - как нитка за иголкой и др.

Здесь же следует сказать, и о том, что при переводе с русского языка на карачаево-балкарский не все сравнения (как впрочем, и другие тропы) возможно переводить просто путем пропуска некоторых слов. Встречаются и такие явления, когда для того, чтобы образно перевести сравнения, приходится добавлять несколько слов, при этом не нарушая стилистические нормы карачаево-балкарского языка. Например, «Амманы тауушуну ачылыгъы, къулагъынгы агъач тауукъну бурну бла терекни ургъанча, тешерге джетдире эди» (Байрам.) - (букв.: Голос старушки был таким звонким (сильным), что казалось, лопнут перепонки, как от стука дятла).

Перевод сравнения оригинала с некоторыми изменениями его компонентов является широкоупотребительным способом перевода данных средств. Сравнения, переведенные вышеназванными способами, составляют общие лексические изобразительные средства как в русском, так и в карачаево-балкарском языках.

Третий способ перевода сравнений представляет собой замену оригинала таким сравнением языка перевода, которое, соответствуя подлиннику по переносному значению,

отличается от него по выражаемому образу. Так, если в караево-балкарском языке принято сравнивать (уподоблять) красное лицо яблоку, то в русском языке такую нагрузку несет помидор. *"Асхатны джа-якъларыны семизликлери бишген къызыл алмалагъа ушай эдиле"* (Ап.) - "Полные щеки Асхата были похожи на спелые красные помидоры". Дословный перевод сравнения как корова языком слизнула - ийнек тили бла джалагъанча не может дать того эффекта, который достигается в русском языке. А для того, чтобы приблизиться к той образности, к той оригинальности сравнения, приходится заменить более подходящим сравнением караево-балкарского языка: джер джуханча болду «будто сквозь землю провалился». Следует иметь в виду, что замена сравнения оригинала сравнением языка перевода возможна только в тех случаях, когда перевод не передает нужного образа подлинника.

Четвертый способ представляет собой компенсацию, которая предусматривает перевод сравнения оригинала одним или несколькими словами (словосочетанием) в прямом значении. Так, в выражении тяжелые, как гири, руки опустились на колени сравнение как гири невозможно перевести на караево-балкарский язык образными средствами и поэтому смысл его передается словами в прямом значении «токъмакъла кибик» - ауур къоллары, токъмакъла кибик, тобукъларына тюшдюле; глаза его сыто хмурились и ликовали - тойгъан кезлери, бир мыдах къоле эдиле, бир къууана эдиле, "Длинный, как жердь, дядя Ваня выделялся среди горланящей толпы" (Мал.) - *"Къурукъча узун, дядя Ваня къычыра тургъан миллетни ичнде таньлыб тура эди"* и другие.

Такие сравнения, переводимые путем компенсации и

замены, представляются специфическими средствами рассматриваемых языков.

Итак, исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

а) как в русском, так и в карачаево-балкарском языках сравнения в основном выражают признак не только одного уподобляемого ими члена, а нескольких членов вместе; или признак признака предмета и самого предмета вместе, или признак признака действия и самого действия вместе, или признак предмета и действия вместе и т.д.;

б) в отношении структуры сравнений данных языков следует отметить, что в построении уподобляемой и уподобляющей части сравнений, а также компонентов самого сравнения, в их лексико-грамматических отношениях и характере средств связи проявляются как общие, так и специфические свойства языков.

ГЛАВА 4

Общие и специфические метафоры карачаево-балкарского и русского языков

Метафора рассматривается как одно из общепризнанных выразительных средств языка, обладающее огромными экспрессивно-изобразительными возможностями. Сущность метафоры состоит в том, что наименование одного предмета (явления) на основании сходства, совпадения тех или иных признаков переносится на другой предмет (явление). При этом в смысловой структуре слова возникают элементы нового, которые наслаиваются на прямое, основное значение и воспринимаются как переносные значения и смысловые оттенки. Это взаимодействие в слове двух типов лексических значений - прямого и фигурального (образного) - и является источником образности метафоры, причем основой образности всегда является предметно-логическое значение.

Метафора рассматривалась еще в античные времена и остается объектом исследования современных авторов (51, с.219; 26, с.196; 49, с.94; 38, с.301, с.107).

Метафоризация - источник формирования образных средств. Изучение вопросов, связанных с метафоризацией, захватывает огромный массив общеупотребительных слов.

Обычно метафоризация выражается в расширении смыслового объема слов, в появлении новых, дополнительных значений или смысловых оттенков, изучение которых имеет первостепенное значение для семасиологии и лексикографии.

«Переносные значения неоднородны, и не всякий пе-

ренос будет метафоричным. В связи с этим необходимо определить, какие переносные значения порождаются метафоризацией и выступают как образно-характеристические изобразительные средства. Прослеживая историческое развитие слова, можно раскрыть закономерности образного его употребления, равно как и самые причины, объясняющие изменения, происшедшие в его смысловой структуре...» (17, с.108).

Метафора является универсальным орудием мышления и познания мира во всех сферах деятельности. Благодаря ей язык представляет систему в постоянном преобразовании, при этом, как обязательно подчеркивается всеми исследователями, использование метафор - характерное отличие естественного языка от искусственных знаков систем.

Поскольку метафоры в целом как слова с переносным значением нами уже рассмотрены, в данном параграфе речь пойдет лишь о метафорах, имеющих общий характер в караево-балкарском и русском языках.

4.1. Метафоры, имеющие общий характер в обоих языках

Изучение метафоры в сопоставительно-типологическом плане дает огромный лингвистический материал. Оно позволяет проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации и вместе с тем определить специфику каждого языка, отделяющую его от общего и всеобщего. Типологически метафору можно сопоставить, как и все другие факты языка, в плане

формы, содержания и функционирования.

В основе метафор лежат главным образом те же самые семантические группы слов, на которых основываются сравнения - этот постулат принят большинством исследователей, изучавших и описывающих данны троп: названия явлений природы, небесных тел, животных и птиц и т.д.

Сходство данных тропов определяет и общие черты в характере их соотношения в русском и карачаево-балкарском языках.

Отличие метафоры от сравнения заключается в том, что если в образовании сравнения обязательно участвуют два компонента: уподобляемая и уподобляющая части и средство связи, то метафора состоит лишь из одного компонента, отсутствует и средство связи. При этом в метафоре переносное значение и образность, в отличие от сравнения, передаются двояко:

а) в метафоре, основанной на сравнении, которое выражено существительным и относящимися к нему словами, переносное значение и образ заключаются в уподобляющей части (уподобляемая часть опускается): он как змея - *ол джыланчады*. Здесь змея и *джылан* (в значении коварного, хитрого человека);

б) в метафоре, основанной на сравнении, которое выражено глаголом с относящимися к нему словами, переносное значение и образ заключаются в уподобляемой части (уподобляющая часть не участвует). Для сравнения возьмем такой пример: голова как юла крутится - *башым айланджюкча айланады* и голова кружится - *башым айланады*. Однако вышеуказанной особенностью характеризуются только глаголы, которые имеют переносное значение. Если

глагол в сравнении не имеет переносного значения, то его употребление в качестве метафоры невозможно, и в таком случае функцию метафоры обязательно выполняет уподобляющая часть сравнения без средства связи: девочка поржала как бабочка - *къызчыкъ гебелеккеча чынгай эди*, бабочка - *гебелекке* (в значении легкости).

В основном одинаковы и лексико-грамматические особенности метафор и сравнений.

Как в русском, так и в карачаево-балкарском языках с точки зрения формы и значения следует различать два типа метафоры: *полную*, при которой формирование переносного значения не связано ни с какими изменениями структуры слова (ср. Он ест мясо - *Ол эт ашайды*; Дым ест глаза - *Тютюн кезюнгю ашайды* (в значении ачытады); Сердце бьется - *Джюрек урады* и в сердце Европы - *Европаны арасында* (в значении ортасында) и *частичную*, когда образование нового значения связано с морфологическим изменением слова, с добавлением аффиксов к основе, используемой в переносном значении: *джюрекчик* - сердечко, *бармакъчыкъ* - пальчик. Он посмотрел в глазок - *Ол кезчюкге къарады*, *тепсичик* - столик и др.

Единство объективной действительности, отражаемой в тропах разных языков, а также общие моменты в художественном мышлении русских, карачаевцев и балкарцев обуславливают существование значительного количества метафор, имеющих в русском и карачаево-балкарском языках одинаковое значение и выражающих в основном одинаковые образы,

По своей структуре метафоры обоих языков подразделяются на две группы: именные и глагольные.

Именные - это такие метафоры, которые выражены или только одним существительным, или частью речи, выступающей в роли существительного или же существительным вместе с относящимися к нему словами: лиса - *тюкю*, ворона - *къаргъа*, белая ночь - *акъ кече* и др. Слова, входящие в состав именных распространенных метафор, обычно находятся в определительных отношениях. Например: мозг революции - *революцияны мыйысы*, заря человечества - *адамлыкъны тангы* и др.

Глагольные метафоры - это такие, которые выражены или только одним глаголом или же глаголом и относящимися к нему словами вместе: потушить огонь жизни (Толст.) - *джашауну отун джукълатыргъа*, ржать - *кишнерге*, гавкать - *юрюрге*, рыть яму - *уру къазаргъа* и многое другое. Рассмотрим глагольные метафоры в стихотворном тексте:

Горит восток зарею новой...

Война *паслась* на всех лучах....

Внушать сон... и т.п.

Джангы танг джарыкъда *джанады* шаркъ...

Бютеу таягъында уруш *кютюледи*...

Джукъугъа *ийнандырыргъа*... д.а.б.

(Подст. пер. наш)

Нужна такая тишина,
чтоб *нежилась* и зрела дыня,
чтобы в ночи *сбылась* луна
и путником руководила

(Кул.)

Аллай шошлукъ керекди,
зауукъ *эте бишерча* хауун,
кече *толурча ай*

эм да джолоучугъа башчылыкъ этерча

(Подстр. пер. наш).

Рассмотрим некоторые из семантических групп слов, лежащих в основе наиболее широкоупотребительных образных метафор русского и карачаево-балкарского языков:

а) названия животных и птиц, рыб, насекомых и пресмыкающихся, многие из которых в данных языках выражают одинаковые образы. При этом в метафорах обоих языков наиболее легко метафоризируются прежде всего названия широкоизвестных животных и птиц. С древнейших времен в систему метафорических значений вовлечены названия диких и домашних животных: волк - *берю*, слон - *тил*, лиса - *тюлкую*, медведь - *айю*, козел - *теке*, бык - *егюз*, и др., а также названия птиц: сокол - *илячин*, ворона - *къаргъа*, гусь - *къаз*, лебедь - *къанкъаз* и др. Здесь следует также подчеркнуть, что экспрессия переносных значений различна. Характеристики положительных качеств в обоих языках выражаются преимущественно с помощью названий птиц: орел - *къуш*, сокол - *илячин*, лебедь - *къанкъаз*, голубка - *кегюрчюн* и др. Как и в русских, так и в карачаево-балкарских художественных произведениях образ волка употребляется для изображения угнетателей, образы льва, тигра - для изображения смелых, мужественных, свободолюбивых людей: лиса - хитрость, заяц - трусость, медведь - силу и добродушие, осел - глупость и др. Однако надо заметить, что некоторые названия животных и птиц, употребляющиеся для изображения отрицательных качеств, иногда при образовании словосочетания могут быть использованы для характеристики людей с положительными качествами. В карачаево-балкарском языке словосочетание *чегет берю* (досл.: «лесной волк») означает

человека, любящего труд, работу, а в русском языке морской волк - опытный моряк. Такой перенос имеет положительную окраску.

Как уже указывалось в большинстве случаев, переносно-фигуральные значения в русском и карачаево-балкарском языках появляются у слов широкоизвестных, обозначающих предметы, весьма знакомые и близкие всем. Названия же малоизвестных животных, таких как, например, носорог - *мюйюзбурун*, енот - *енот*, косуля - *джур*, хорек - *суусар*, лось - *кьандагъай* и др., обычно не включают в сферу метафорического словоупотребления. О метафорическом употреблении тех или иных названий в определенных им значениях можно говорить лишь в общем, исходя из большинства случаев их употребления. Конкретные же их значения определяются контекстом: в сочетании с различными словами они имеют различные переносные значения, которые в двух языках могут и соответствовать, и не соответствовать.

В общем фонде метафор русского и карачаево-балкарского языков, основанных на переносном употреблении названий животных и птиц, а также других названий с одним и тем же семантическим ядром, можно выделить следующие типы:

а) метафоры, созданные в обоих языках самостоятельно, но на основе общих признаков предметов и явлений, а также метафоры, возникшие в языке в результате давних и активных контактов носителей двух языков,

б) метафоры, которые в одном из контактирующих языков функционируют, в другом же, находясь в потенции, приходят в действие под влиянием другого языка, то есть в

результате непосредственного перевода названий, лежащих в основе метафоры. К первому типу можно отнести такие примеры: птица - *къанатлы*, осел - *эшек*, собака - *ит*, змея - *джылан*, овца - *къой*, обезьяна - *маймул*, хищник - *джыртхыч джаныуар*, кошка - *киштик*, вол - *егюз...*; ко второму типу: бобер - *къундуз*, пиявка - *къан ичген къурт*, трутень - *эркек бал чибин* и другие.

в) названия драгоценных материалов и минералов, которые служат для характеристики положительных героев у русских, балкарцев и карачаевцев: бриллиант, изумруд, рубин, жемчуг, сталь, железо, серебро и др. в форме имен существительных употребляются редко; от них образуются прилагательные, дающие качественные оценки и характеристики. Например: стальные мускулы - *темир чабакъ этле*, железный человек - *темир адам*, золотой характер - *алтын хали* и др. Правда, в устном народном творчестве, в пословицах и поговорках часто метафорически употребляются имена существительные. Например: Сказанное слово - *серебро*, а не сказанное - *золото* - Айтылгъан сез - *кююш*, айтылмагъан - *алтын*, или же:

Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор.
Куртины, кровли и забор,
На стеклах легкие узоры,
Деревья в зимнем *серебре*.

(Пушкин)

Эртде туруб,
Кердю Татьяна
Агъаргъанын арбазны

Мал джатманы, юй башланы, бурууну,
Миялада омакъ, ариу ойюну,
Терекле да кыыш *кюмюшде*.

(Подстр. пер. наш).

Как в русском, так и в карачаево-балкарском языках метафорические значения слов сохраняются и усложняются обычно в тех случаях, когда слова входят в состав устойчивых фразеологических единиц. Так, переносное значение слова *золотой* сохраняется в очень многих выражениях, представляющих собой фразеологические единства: слово *золотой* в них имеет постоянную экспрессию, указывающую на драгоценность, богатство, значимость и т.п.: *золотое сердце* - *алтын джюрек*, *золотые руки* - *алтын къолла*, *золотой человек* - *алтын адам* и др.;

г) названия некоторых видов тканей, одежды и обуви, которые также употребляются в обоих языках метафорически, хотя далеко не все. Слова *колтак* - *бокка* обозначают простоватого, чудаковатого человека. Но пальто - *палтон*, брюки - *кенчек*, пиджак - *огъары джан* и др. метафорически не употребляются.

Из названий различных тканей часто метафоризируется в рассматриваемых языках слово *бархат* - *къатана*. Если в русском языке слово *бархат* имеет производное *бархатный*, то в карачаево-балкарском языке от слова *къатана* невозможно образовать производное. Поэтому *къатана* (в переносном значении) употребляется в сочетании с существительным. Например: У нее такие *бархатные* глаза - именно *бархатные*, я тебе советую присвоить это выражение, говоря о ее глазах; нижние и верхние ресницы так длинны, что лучи солнца не отражаются в ее глазах. (Лерм.) - Аны аллай *къа-*

тана кезлери бардыла -чертиб айтама, *кътана*: бу сезлени кесинге алсанг, деб келюме келеди, туб эмда баш кирпичлерини асыры узунлукларындан, кюнню таяклары аны кезлеринде ойнаялмайдыла...

Слова *атлас*, *шелк* тоже вовлекаются в метафорическое употребление:

И на *шелковые* ресницы
сны золотые наевать.

(Лермонтов).

Аны *дарий* кирпичлерине
алтын тюшлени келтирирге.

(Подстр.пер.наш).

д) названия мифических существ, а также предметов и понятий, связанных с религией. Метафоры, выражаемые этими названиями, связаны с мифологией и религией одного определенного народа. В русском языке это такие слова, как ведьма, леший, черт, библия, поп, попадья, пимен и др., в карачаево-балкарском - *афенди* - эфенди, *межгит* - мечеть, *шайтан* - черт, *джин* - бес, *аллах* - бог, *къуран* - коран и другие;

е) названия явлений природы и небесных тел, с которыми с древнейших времен человек сталкивался. Метафорическое использование этих образов свойственно поэзии всех народов (33, с.105). Такие названия, как солнце - *кюн*, звезда - *джулдуз*, море - *тенгиз*, огонь - *от*, молния - *шыбыла*, волна - *толкъун*, родник - *къара суу*, камень - *таш*, туман - *тубан*, ураган - *джел*, вулкан - *джер тубюнден къайнаб чыгъуу*, луна - *ай* и другие, широко развиты в русском и карачаево-балкарском языках как метафоры, в основном, с одним и тем же переносным значением. Например, огонь

жизни - *джашауну оту*, солнце дружбы - *шохлукъну кюню*, пятый океан - *бешинчи тенгиз*, черные тучи - *къара булутла*, свет братства - *къарнашлыкъны джарыгъы*, луч солнца - *кюн таякъ* и другие,

ж) названия времен года и частей суток: весна любви - *сюймекликни джазы*, зима принесла счастье - *къыш насыбны келтирди*. Взгляд его, холодный, напоминающий зимний морозный день (Куб.) - *Аны къарамыны сууукълугъу къышхы сууукъ кюннге* ушай эди, темная ночь - *къарангы кече*, вечер смеха - *кюлкюню ингири*, пестрые дни - *къолан кюнле* и др. Как и другие метафоры, образованные на основе предметов быта, названий частей тела, природы и др., большинство метафор, образованных на основе названий времен года и частей суток, в соотносимых языках представляют общее явление;

з) тропы, основанные на названиях пищи. Например: хлеб - *етмек* (гырджын): «Я просил Вас еще давно: оставьте его в покое, это же его хлеб» (Куб.) - «Анга тиймегиз деб мен Сизни къачандан бери тилейме - ол аны *гырджыныды*». Другое слово каша - *баста*: «В его голове каша» - «Аны мыйысы *баста* болуб бошагъынды»;

и) названия растений. Например, дуб - *эмен*, береза - *къайын*, яблоня - *алма терек*, пихта - *наз*, сосна - *нызы*, рябина - *такъюзюк* и др. Говоря о названиях растений, нужно иметь в виду, что в рассматриваемых языках метафоры, созданные на основе таких названий, в большинстве случаев употребляются в отношении к женщине. В этой связи З.А. Будагова пишет: "Аромат цветов, стройность высоких деревьев, красота плодов - все это лежит на основе метафор, обращенных к женщине" (6, с.104).

Следует сказать и о том, что метафоры, связанные с названиями растений, встречаются в жанрах устного поэтического творчества и в лирике. В названных жанрах в обоих языках также довольно часто употребляются метафоры *чурбан - тенгек*, дубина - *ылыхтын*, колода - *томурау*, жердь - *кзурукъ* и др: яблоко от яблони далеко не падает (Поел.) - *алма* терегинден кери кетмейди и т.п. ;

к) названия основных действий. В соотносимых языках глаголы наиболее часто употребляются в метафорическом значении в сочетании с существительными и употребляются метафорично: открыть сердце - *джюрекни ачаргъа*, сердце кипит - *джюрек къайнайды*, сердце плачет - *джюрек джылайды*; открывать - *ачаргъа*, рыть - *къазаргъа*, петь - *джырларгъа*, пить - *ичерге*, прыгать - *чынгаргъа*, кричать - *къычырыргъа*, сидеть - *олтурургъа*, разрушать - *чачаргъа* (ояргъа), спать - *джукъларгъа* и другие.

В обоих языках обнаруживается немало глаголов, которые соответствуют как по номинативному значению, так и метафорическому. Приведем примеры: связать - *байларгъа*: Внучка связала ей ноги и руки - *джашындан (къызындан) туугъан аны къолун-аягъын байлагъан эди*; открыть - *ачаргъа*: «Последние события в личной жизни открыли мне глаза» (Куб.) – «Энчи джашаууму арт тюрлениулери кезлерими джашаугъа *ачдыла*» и т.п.

4.2. Специфические метафоры соотносимых языков

Наряду с названными метафорами, имеющими общий характер в соотносимых языках, имеются и специфические,

свойственные лишь одному языку.

При образовании нового наименования путем переноса, исходное слово может остаться незаменимым, так что новое наименование по форме не отличается от исходного. Такая форма переноса в лингвистике называется «полной метафорой» (12, с.221). Но метафорический перенос может сопровождаться добавлением к слову различных аффиксов, которые различают переносное и исходное наименования. Этот перенос носит название «частичная метафора» (9, с.221).

При этом одновременно с переносом значения формируется и новое слово. Карачаево-балкарскому языку в большей степени свойственны полные метафоры, русскому - частичные: мычхыны тиши кьынгыр болду - зубец пилы стал кривым, чистокровная карачаевская лошадь - таза кьанлы кьарачай ат... В русском языке в переносном значении часто используется уменьшительная форма слова (ср.: нога и ножка стола - тепсини (столну) аякчыгъы; Ножка стола была поломана - Столну (тепсини) аякчыгъы сыныб тура эди и т.п.). Итак, русские переносные наименования часто отличаются по форме от исходных. Эти факты подтверждают синтетические тенденции русского языка (изменяемость форм при изменении значения) и аналитические - карачаево-балкарского (неизменяемость слова). Данная особенность карачаево-балкарского языка способствует развитию многозначности слова и может создать трудность при понимании слова в тексте.

Слово может претерпевать изменения двоякого рода: словообразовательные, связанные с созданием нового слова, и грамматические, не связанные с созданием нового слова.

Если выше нами рассматривались метафоры имею-

щие общий характер в карачаево-балкарском и русском языках, то в этом параграфе попытаемся обнаружить специфические метафоры в соотносимых языках.

1. В карачаево-балкарском литературном языке и в разговорной речи активно используются слова *ши суймез*, *эринчек*, что в переводе на русский язык означает трутень. Это слово в первом языке используется для характеристики человека, пользующегося благами чужого труда, не приносящего пользу нигде и никому. Для русского языка такая метафора (переносное наименование слова *трутень*) не типична. Однако перевод с карачаево-балкарского языка слова *трутень* стало достоянием образной системы русского языка, поскольку переносное значение *трутня*, основанное на общем для русских, балкарцев и карачаевцев признаке предмета, понятно носителям обоих языков.

2. Имеются и специфические метафоры, связанные с названиями предметов быта. Как правило, в карачаево-балкарском языке используются метафоры - *джау джыккыр* - маслобойка - «Муссаны эшикден киргенлей биринчи *джау джыккыр* кьарны кюрюндю» (Хуб.) - букв. «Когда Мусса вошел, то сперва показалась вместо живота маслобойка»; *табакьбет* - большелиций - «Мен ол *табакьбетге* чырт кьараялмайма» (Суюн.) - букв. «Я не могу смотреть на этого большелицевого»; *уллубаш* - большеголовый «Ол *уллубашны* тюрсюню сау кюнню кезюме керюнуб турады, - деди амма» (Хуб.) - досл.: «Лицо того большеголового целый день стоит перед глазами, - сказала старушка» и др. Названные метафоры употребляются в значении толстого, слишком большого человека. В русском языке нет соответствующих данным значениям метафор, а образование новых метафор посредст-

вом дословного перевода может привести к нежелательному результату.

3. Имеются специфические метафоры, основанные на названиях частей тела. Так, в карачаево-балкарском языке используются такие метафоры, как *таибет* (досл.: каменное лицо) для обозначения жестокости, бесчувственности человека; *убет* (досл.: ядовитое лицо) в значении человека, который пойдет на все ради исполнения своих желаний. На русский язык такие метафоры могут быть переведены с использованием метафорического переноса имени прилагательного - человека с каменным лицом, *убет* - человек с ядовитым лицом (взглядом) и др. Подобными метафорами русский язык не располагает. Здесь нужно отметить и такой факт, что некоторые специфические метафоры создаются самими поэтами, мастерами художественного слова, литературоведами и работниками искусства. Например, Народный поэт Кабардино-Балкарии, лауреат Государственных премий Кайсын Кулиев известен в народе не только как мастер художественного слова, но и как новатор. Им в произведениях создано много изобразительно-выразительных средств, в том числе и рассматриваемая нами метафора, у него есть такая строка: «...Сени чапрагынг джырлайды, акылынг тамырынгча тюздю» (досл.: Твои листья поют, мысли прямы как твой корень) в значении «земная благодать».

4. Особую группу составляют метафоры, основанные на названиях пищи. Это такие, как *бал* - «мед», *кертме* - «груша», *алма* - «яблоко», *эрик* - «слива», *хычын* - «пирог» и др. В обращении к женщине (выражающее чувство любви, нежности) употребляются метафоры: *халыуа* - «халва», *кампет* - «конфета», *наныгъым* - «малина» (моя), *шекер* -

«сахар» и др. В карачаево-балкарском языке бытуют также пренебрежительные, шуточные названия лиц, выражаемые такими словами, как *къаб* - «дыня», *айран* - «айран», *айран гыбыт* - «бурдюк с айраном», *гаккы баш* - «яйцеголовый» и др.

5. Своеобразные метафоры, основанные на названиях частей тела. Так, в карачаево-балкарском языке бытуют метафоры *агъач къол* - деревянная рука (в значении «ничего не умеющий делать»), *темир джюрек* - сердце из железа (в значении «не имеющий никаких чувств сострадания»), *ит ашхын* - собачий желудок (в значении «человек, который ест все подряд, не разбирая», т.е. «обжора») и т.п.

6. Имеются специфические метафоры, которые основаны на названиях животных и птиц. Например, в карачаево-балкарском языке встречаются такие метафоры, как *ийнек мыйы* - коровьи мозги (в значении «туповатый, несобранный человек»), *къазаякъ* - гусиные ноги (в значении «кривоногий человек»), *къоян джюрек* - сердце как у зайца (в значении «человек, который боится всего, трус») и др.

Среди глагольных метафор двух языков обнаруживаются и такие, которые свойственны либо русскому, либо карачаево-балкарскому языкам. Специфические метафоры относятся не только к общенародным традиционным, но и к индивидуальным тропам. Специфичными для карачаево-балкарского языка являются примеры из сказок о Нартах: *джюрегинден джилтин чартлай* - из его сердца исходят (сыпятся) искры (в значении «отважный, бесстрашный»); *къолларындан алтын акъгъан* из рук его сыпится золото (в значении «мастер на все руки»); *джюреги бузлай ды* - сердце замерзает; *санлары юшюйдюле* - тело мерзнет (оба эти

выражения употребляются в значении «сильно уставать») и др.

Итак, анализ специфических метафор русского и карачаево-балкарского языков показывает, что для каждого языка характерны свои метафоры, которые невозможно механически перенести на другой язык. Как в карачаево-балкарском, так и в русском языках, специфические метафоры продолжают пополнять словарный состав рассматриваемых языков за счет индивидуально-авторского подхода. Специфические метафоры рассматриваемых языков являются большим достоянием для носителей этих языков.

4.3. Способы перевода метафор с русского на карачаево-балкарский язык

Основная цель перевода заключается в доведении до сознания читателя некоего сообщения, существующего на языке, которым не владеет читатель. "Художественный перевод в этом смысле обладает особой проблематикой, состоящей в том, что функция языка, и слова в частности, здесь не только коммуникативная. Слово выступает также в очень важной и сложной функции -эстетической. В художественной речи оно несет нагрузку, не равноценную той, которую выполняет в процессе каждодневных коммуникативных актов. Слово это уже орудие творчества художника, посредством которого создаются художественные образы, «художественная действительность» (10, с.122). Мастерство слова настолько древне и настолько неразрывно связано с плотью родного языка, что отделить "художественную действительность" от родной языковой среды, даже соблюдая законы ло-

гики, невозможно, так как при этом нарушается вся ассоциативная цепь, лежащая в основе художественного образа, и вместо нее появится новая, уже характерная для языка перевода. Поэтому от переводчика требуется заново воссоздать литературное произведение, чтобы оно и на языке перевода осталось произведением искусства.

Метафора, являясь средством сложной информации, естественно, требует в переводе полного сохранения всей своей информативности, иначе возникает угроза утратить ее семантическую сложность, а значит и саму метафору. Здесь как бы подает голос онтологическая сущность метафоры – «транспорт», – которая требует обязательно транспортировать из одного языка в другой всю многослойность значений и эмоций.

Что касается метафоры, то одним из наиболее распространенных недостатков при переводе, который ослабляет ее эмоционально-экспрессивную силу, является замена метафоры сравнительной конструкцией. Конечно, самый важный момент заключается в правильном лексико-стилистическом подборе необходимой семантики, которая создает компоненты образа. Однако совершенно очевидно, что эффект и сила образности намного выше и больше в случае полного отождествления или при добавлении сравнительных слов в переводе. Например, при переводе романа Х. Аппаева «Къара кюбюр» - «Черный сундук» на русский язык, переводчиком допущены некоторые неточности, касающиеся именно изобразительно-выразительных средств. Так метафора «отдан келек кийген» (букв.: нехотя, очень не нравясь) переведена на русский язык: «как от огня рубашку надел». Эту метафору можно было заменить другой, соответствующей по значению

метафорой русского языка, например, «Сильно сопротивлялся, очень не хотел». Еще пример из того же перевода: «Келюм булгъанды» - «Мое озеро волнуется». А надо было бы так: «Меня тошнит, или мне плохо». Таким образом, дословный перевод оригинала может повредить художественной ценности произведения.

Следует уделить больше внимания на экспрессивность, выразительность при переводе метафор, что позволяет наиболее полно передать как ее логическую сущность, так и общую эмоциональную тональность. Случаи неизбежной экспрессивной конкретизации при переводе, особенно метафор, обусловлены тем фактом, что «каждый язык имеет свои, одному ему принадлежащие средства, особенности и свойства, чтобы верно передать иной образ или фразу, в переводе их иногда должно совершенно изменить. Соответствующий образ, так же, как и соответствующая фраза, состоят не всегда в видимой соответствии слов: надо, чтобы внутренняя жизнь переводного выражения соответствовала внутренней жизни оригинального» (4, с.424).

Итак, искусство слова, рожденного на родном языке, требует от переводчика не только большого литературного мастерства, тонкого чутья обоих языков, но и высокого долга гражданина.

Общие и специфические свойства метафор русского и карачаево-балкарского языков определяют способы перевода данных средств с одного языка на другой. Перевод метафор, как и сравнений, осуществляется четырьмя способами.

1 способ - дословный перевод: молочные реки – *сют суула*, красные пятна – *къызыл тамгъала*, легкий взгляд – *джумушакъ къарау*, теплые отношения – *джылы эс белюу*,

мычать – *екюрюу*, на лице были следы печали – *бетинде бушууну ызлары бар эди*, уши горели – *кюлакълары кюе (кызыа) эдиле...*

2 способ – перевод с изменением некоторых компонентов, сохраняя в основном образ оригинала: Когда вижу утром *встающее* солнце, когда ночные звезды *озаряют* лучами далекое небо, когда ручьи *роняют каскады жемчужных* капель, когда на *зеленой* поляне *зреет* земляника, а на горных лугах *полюхают огнем* цветы... (Каг.) – Эртденбла *къоба тургъан* кюнню керсем, кечеги джудузла кеслеринин *таякълары* бла узакъ кекню *ийнакъласала*, суула *инджилерин* текселе, *джашил* сыртда джилекле кызарсала, мийик *тюзледе* *отча* джарыкъ гюлле чайкъалсала... (букв.: «снова ко мне приходит мое детство»); *джюрегиме джара салады* – причиняет боль сердцу (букв.: «ранит сердце»); Асыры ачюдан Асхатны кезлери орунларындан чартлаб чыгъарча болдула (Куб.) – От злости глаза Асхата чуть не выскочили из орбит (букв.: «стал очень злым») и т.п.

В карачаево-балкарском и русском языках переводы метафоры вышеназванными способами (с сохранением образности и переносного значения) представляют собой общие лексические изобразительные средства.

Перевод дословный и с несущественными изменениями представляет эффективный путь развития двуязычия (51, с.222). За последние десятилетия карачаево-балкарский язык обогатился метафорами, созданными на основе уже имеющихся в русском языке. Например, *джашил джол* – «зеленая улица», Азатлыкъны айрымканы – «Остров свободы», *болгъан кызыл бояула блады* – «представить все в розовом цвете», кызыл гугурукну ийерге – «пустить красного

петуха» и др. В карачаево-балкарском языке стали фразеологизмами многие метафоры-кальки: *буз къызчыкъ* – «снегурочка», *буз акка* – «дед мороз», *ахыр къонгурау* – «последний звонок», *ачыкъ эшиклени кюню* – «день открытых дверей» и т.п. За счет калькирования пополняется также фонд общественно-политических метафор *сууукъ уруш* – «холодная война», *партияны мыйысы* – «мозг партии», *оракъ бла чегючню байламлылыгы* – «союз серпа и молота» и т.д.

Благодаря переводу метафор, в изобразительной системе языка возникают новые образы, развивается художественное мышление носителей языка. Так, в карачаево-балкарском языке не было понятия хрипловатый смех пулемета. Оно стало употребляться в результате перевода метафоры «хрипловатый смешок немецких пулеметов» (Шол.) – «немча пулеметланы хырха кюлгенлери».

Метафоры, переводимые дословно и с несущественными изменениями отдельных компонентов, представляют собой общие тропы контактирующих языков (40, с.223).

3 способ – замена метафоры оригинала соответствующей метафорой языка перевода, одинаковой по переносному значению, но различающейся по выражаемому ею образу. Например, *пышет здоровьем* – *агъы бла къызылы тегюле тургъан* (букв.: «белое и красное льется»), знает много – *акъыл тебе* (букв.: «ума бугорк») в значении «слишком умный, очень умный»), мыльный пузырь – *къол язында суу тамчы* (букв.: «капля на ладони»), хозяин слова – *бир сезюн эки этмеген* (не разменяет слово), непостоянный характер – *бир кюню джай, бир кюню къыш* (букв.: «один день – лето, второй день – зима»), эх, ты, шляпа – *ауузачыкъ, эх, ты, балда* – *дюкгюч* (чурбан), играть в любовь – *суймекликни оюу*

лары (букв.: «узоры любви») и другие.

4 способ - компенсация. В этом случае, когда нельзя выразить ту или иную метафору в языке перевода, то можно значение этой метафоры передать необычным средством. Для того, чтобы компенсировать и сохранить образность, в соседствующем предложении должна быть соответствующая по смыслу перевода, переведенный материал получается адекватным оригиналу. Так, в карачаево-балкарском языке метафоры, соответствующей метафоре *ведьма*, нет. В этом случае метод компенсации вступает в силу. Русская метафора *ведьма* компенсируется карачаево-балкарской метафорой *алмасты* (букв.: «некрасивая, безобразная, мужеподобная, страшная» и др.). Другой пример: «Аварияны кергенинде, Ахматны бетинден *къаны къачды*» (Хуб.) – «Когда Ахмат увидел аварию, лицо его страшно побледнело»; жертвуя собой - *джанын харам этиб*, бесстрашный, добиваясь своей цели - *джанган отдан юлюш алгъан* (букв.: «он возьмет свою долю») и т.п.

Метафоры, переводимые посредством замены и компенсации, представляют собой специфические тропы языков, поэтому невозможен дословный перевод,

О том, к чему приводят неосмысленные переводы, мы уже говорили выше.

Одной из разновидностей метафор являются олицетворения. При олицетворении мы наблюдаем перенос признака, свойственного человеку, на неодушевленные предметы. «Олицетворение - это изображение неодушевленного предмета как одушевленного» (32, с.99).

Следует сказать, что олицетворения в русском и карачаево-балкарском языках характеризуются одинаковыми

особенностями. Дословному переводу поддаются такие олицетворения, которые соответствуют в карачаево-балкарском и русском языках по своему переносному значению и по выражаемому объекту. Например, «Ветер, ветер, ты могуч...» (Пушк.) – «"Боран, боран, сен *кючлюсе...*», или же «Месяц, месяц, мой дружок...» (Пушк.) - «Ай, ай, мени *тенгчигим..*, ветер принес запахи лесных цветов - джел чегет гоккаланы ийислерин *келтирди*, шептались листья - чапракыла *шыбырдаша* эдиле и др.

Проявление общего и специфического в эпитетах карачаево-балкарского и русского языков

Среди художественных приемов, описанных традиционной стилистикой, эпитеты занимают одно из ведущих мест. Теорией эпитета занимались многие лингвисты, например, А.Н. Веселовский, А.А. Потебня и их ученики, Э. Эльстер, Р. Мастер и многие другие.

В широком значении эпитет понимают как красочное определение, как один из приемов поэтического стиля. Например, А. Шалыгин, автор популярной «Теории словесности», пишет так: «Одним из весьма действенных средств, усиливающих картинность и эмоциональность речи, является эпитет. Так называется слово или несколько слов, приданных к обычному названию предмета для того, чтобы усилить его... в данном случае важно выдвинуть на первый план, как бы рекомендовать особому вниманию читателя» (48, с.37).

Эпитет - это важное выразительное и изобразительное средство искусства слова, без чего, наверное, мы не смогли бы воспринимать картину жизни, да и само произведение как художественное явление, в красках и звуках. О А.С. Пушкине М.В. Гоголь писал: «Его эпитет так отчетист и смел, что иногда заменяет целое описание» (33, с.435). В.Г. Белинский также отметил мастерство А.С. Пушкина в использовании эпитета как выразительного средства: «...его эпитет столь же смел, оригинален, как и резко точен, математически определен» (3, с.557). Эти высказывания свидетельствуют об огромной значимости эпитетов в языке художественного про-

изведения.

5.1. Эпитеты, характерные для обоих языков

Обычно выделяют два основных вида эпитетов: логические и метафорические. Метафорические эпитеты как изобразительные средства основаны на переносном употреблении слов (51, с.225).

В русском и карачаево-балкарском языках общность и специфичность эпитетов проявляется в их семантике, лексико-грамматических особенностях, выражаемых им образах, а также эмоционально-экспрессивной окраске.

«Эпитеты поясняют предмет, выражают его признак, свойство. При этом поясняемые предметы могут быть и одушевленными и неодушевленными, конкретными и отвлеченными и т.д., то есть характеризуются исключительным разнообразием. Однако среди них выделяются отдельные наиболее широкоупотребительные семантические группы» (51, с.225). Так, например, очень часто в роли поясняемых эпитетами слов выступают названия человеческих органов: уши - *кьулакля*, пальцы - *бармакьяла*, нос - *бурун*, рука - *кьол*, сердце - *джюрек*, щека - *джаякь* и многие другие, а также слова, обозначающие результат физических, психологических и умственных действий человека, и функции человеческих органов: язык - *тил*, огорчение - *кьыйналыу*, радость - *кьууанч*, любовь - *суймеклик*, голос - *таууш*, слова - *сеэле*, мечта - *сагьыш* и т.д.

Эпитеты в рассматриваемых языках широко употребляются как пояснения отдельным названиям явлений приоро-

ды, времен года и частей суток, животных, птиц, растений, предметов домашнего обихода, пищи и т.п. Поэтому широко употреблены эпитеты в произведениях устного народного творчества, в поэзии и прозе. Например, добрый конь – *аламат ат*, ясный день – *джарыкъ кюн*, холодный (хрустальный) ключ – *сууукъ кезлеу*, зима лихая (седая) – *къаты* (чал) *къыш*, мороз жгучий (лютый) – *ачы* (кючлю) *сууукъ*, море синее – *кек тенгиз*, добрый царь – *халал* (джумушакъ) *патчах*, молния яркая – *джарыкъ шыбла*, дождь серый (хмурый, веселый) – *мыдах* (хыны, жарыкъ) *джангур* и многие другие.

Также следует отметить, что лексические выразительные средства как одного, так и второго языка, пополняются эпитетами. Например, *айджаякъ* – (букв.: «лунощекый»), *булутмыйы* – (букв.: «мозг как облако»), *джулдузкез* – (букв.: «глаза как звезды») и др.

Различные слова, выражающие признак предмета, также выступают в роли эпитетов. Следует сказать, что по степени активности они не всегда одинаковы. Наиболее активно в роли эпитетов употребляются слова, обозначающие:

а) пространственно-временные качества и отношения: широкий – *кенг* – «Орамны ерге бир *кенгбучхакъ*, сау-битген джаш кетиб бара эди» (Апп.) – «По дороге шел здоровый парень в широких штанах», длинный – *узун*, *узункъол* – длиннорукий; близкий – *джууукъ*, *джууукъ адам* – близкий человек и др;

б) черты характера и умственного склада: тупой – *тели*, тупой человек – *тели адам*; умный – *акъыллы*, умный малыш – *акъыллы сабий*; вспыльчивый – *дженгил*, вспыльчивый характер – *дженгил хали*; веселый – *джарыкъ*, веселая

компания – *джарыкъ джыйылыу*, расточительный – *кеб джоюучу*; скромный – *адебли*, скромный человек – *адебли адам*,

в) свойства и качества предметов, непосредственно воспринимаемые органами чувств: черный – *къара*, черная ночь – *къара кече*, мягкий – *джумушакъ*, мягкий характер – *джумушакъ хали*; соленый – *тузлу*, соленая слеза – *тузлу джыламукъ*; сладкий – *татлы*, сладкий сон – *татлы джукъу*; зеленый – *джашил* – зеленый юноша – *джаши сабий* (джашил); теплый – *джылы*, теплый взгляд – *джылы къарам*, тяжелый – *ауур*, тяжелый характер – *ауур хали*; большой – *улуу*, большой человек – *улуу адам* и др.;

г) физические качества и состояние людей и животных: сильный – *кючлю*, сильный человек – *кючлю адам*; смелый – *етгюр* (джити), смелый юноша – *етгюр* (джити) *джаши*; злой – *хыны*, злая женщина – *хыны тиширыу*; старый – *къарт*, старый мужчина – *къарт киши*; слабый – *къарыусуз*, слабый организм – *къарыусуз чарх* и др.

В роли эпитетов также выступают слова из следующих семантических групп, при котором от существительных образованы прилагательные, которые выступают в качестве эпитетов:

а) названия отвлеченных предметов: свобода – *эркинлик*, свободное сердце – *эркин джюрек*; радость – *къууанч*, радость жизни – *джашауну къууанчы*; горький – *ачы*, горькие слезы – *ачы джыламукъла*; любовь – *суймеклик*, любовный взгляд – *суйюмлю къарам* и др.;

б) названия пищи: сахар – *шекер*, сахарные вершины гор – *таулары шекер башлары*; пирог – *хычын* – *хычынбет*; молоко – *сют*, молочные реки – *сют суула* и др.;

в) названия драгоценных камней и металлов: жемчуг - *инджи*, жемчужные капли - *инджи тамчыла*; рубин - *кызыл накъут*, рубиновые глаза - *кызыл накъут кезле*; золото - *алтын*, золотой характер - *алтын хали*; серебро - *кюмюш*, серебряная борода - *кюмюш сакъал* и др.;

г) названия отдельных действий: порвать - *джыртырғыа*, порвать с прошлым - *етген заманны юзерге*; кричать - *кычырырғыа*, кричать с места - *орнундан кычырырғыа*; потянуться - *созулурғыа*, потянуться за счастьем - *насыбны ызындан созулурғыа* и др.;

д) названия явлений природы: звезда - *джулдуз*, звездоликий - *джулдуз бетли*; ветер - *джел*, ветренный юноша - *джелбаш джаш*; камень - *таш*, каменное сердце - *ташд-жюрек*; дерево - *терек*, *агыач*, деревянные руки - *агыач кьолл* и др.

Определенные общности и различия содержатся в эпитетах контактирующих языков и в лексико-грамматическом отношении. Главная общность состоит в том, что большинство эпитетов в соотносимых языках представляют собой качественные прилагательные: веселые облака - *джарыкъ булутла*; сладкий сон - *татлы джукъу*; розовые мечты - *иги сагышла*; горячее сердце - *исси джюрек*; трезвый ум - *ачыкъ* (джарыкъ) *акъыл* и др.

Большую часть эпитетов, выступающих как качественные, составляют относительные прилагательные: волосатая рука - *тюклю кьол*; горькие слезы - *ачы джыламукъла*; лунный вечер - *айлы* (джарыкъ) *кече* и др.

В эпитетах русского и карачаево-балкарского языков, соответствующих по значению и образу, возможны и другие лексико-грамматические различия.

5.2. Эпитеты, свойственные лишь одному из контактирующих языков

В семантическом отношении, казалось бы, слова двух языков, соответствующие по основному номинативному значению, должны обладать одинаковой способностью создавать соответствующие эпитеты. Как показывают наблюдения, большинство слов-соответствий выступает в рассматриваемых языках в роли эпитетов, тем не менее некоторые из них не располагают возможностью выполнять в обоих языках функцию эпитета, т.е. из двух слов, соответствующих в разных языках по основному номинативному значению, одно выполняет функцию эпитета, другое - нет. Например, слово *джарыкъ*, как и его соответствие *светлый*, в сочетании со словом *адам* – человек выступает эпитетом, в сочетании же с *акъыл* - ум оно не выполняет такой функции, то есть не сочетается с данным словом: по карачаево-балкарски нельзя сказать *джарыкъ акъыл*, хотя его эквивалент *светлый* у м в русском языке широко употребляется.

Карачаево-балкарскому языку в отличие от русского языка свойственны эпитеты, обозначающие такие понятия, как *джилек сезлю адам* (букв.: «со земляничными словами» в значении «красноречивый»); *улуу къулакъ* - (букв.: «большие уши» в значении «вислоухий»); *нызы санлы къыз* (букв.: «девушка с фигурой ели», в значении «стройная девушка») и др.

Говоря об эпитетах, свойственных лишь одному языку, следует подчеркнуть то обстоятельство, что образность и выразительность выражаемые эпитетом в одном языке, не всегда могут употребляться в том же значении в другом.

Как в карачаево-балкарском, так и в русском языках некоторые эпитеты являются цветообозначениями. Здесь следует выделить слова-соответствия, которые имеют наиболее широкое распространение: *джарыкъ* – светлый, *кек* – голубой, *джашил* – зеленый, *кебдюреюз бетли* – синий, *акъ* – белый, *къызыл* – красный и др.

Из всех цветов для карачаево-балкарского языка наиболее употребительными являются *къара* – черный, *джашил* – зеленый, *кек* – голубой. *Къара* – черный в карачаево-балкарском языке в большинстве случаев употребляется в переносном употреблении «отрицательный, нехороший». Данный эпитет относится к существительным, обозначающим образные предметы и действия. Эпитет *къара* – черный также применяется для обозначения людей и их действий, абстрактных предметов, которые связаны с психологическим миром человека, общественных явлений. В русском же языке в этом значении обычно выступают эпитеты, основанные на словах *черный* и *темный*. Однако нельзя сказать, что эпитет *къара* – черный всегда выражает отрицательные понятия. Так, эпитет *къара* – черный является своеобразным поэтическим средством, когда говорится или поется о красоте (девушки). Он очень часто встречается в произведениях устного народного творчества балкарцев и карачаевцев, в Нартском эпосе, а также в поэзии и прозе. Например,

Мен тансыкъ болуб, сеннге келеме,

Къара кезлеринг эсимде.

Кече тюшюмде сеннге береме

Къара кезлеге келекке

Ой, *къара* кезле, ой *къара* кезле,

Нечик теренсиз, кирсизсиз,

Джашла барысы сени сюелле

Тамам айыбсыз, эм кемсиз.,

(Фолькл.)

Я соскучился и иду к тебе

Вспоминая твои *черные глаза*.

Ночью во сне я тебе даю

Для черных глаз твоих тень.

Ой, черные глаза, ой, черные глаза

Как бездонны вы и чисты.

Все ребята любят тебя

Очень сильно и горячо.

(Подстр.пер.наш)

Как сказано выше, для описания глаз в карачаево-балкарском языке используется эпитет *къара* - черный, а в русском языке для описания глаз чаще используется эпитет голубой - *кек*.

В карачаево-балкарском языке эпитетом *акъ* - белый пользуются для обозначения чего-либо хорошего, положительного, светлого. Например: *акъ шинли* - белолицый, светлицый; *акъ насыб* - (букв.: «белое счастье») - большое счастье и др.

5.3. Способы перевода эпитетов с русского на карачаево-балкарский язык

В вопросах художественного перевода на первый план выступает взаимодействие двух языков и двух литератур, а переводчик действует в функции билингва. Он обязан настолько хорошо ориентироваться в двух художественных

стилях, чтобы суметь явления одного из них определять сквозь призму другого. Таким образом, переводчик, выступая билингвом, осуществляет на практике языковой контакт.

При переводе эпитета контактируются и особо отчетливо проявляются все те проблемы и задачи, которые свойственны переводу вообще, а также всем его разновидностям. На переводчика здесь возлагается самая сложная и ответственная задача - сделать все так, чтобы читатель мог максимально приблизить себя к носителю языка оригинала и почерпнуть всю глубину смысла и ассоциаций, заложенных в данной фигуре.

При переводе существует тенденция добиваться недвусмысленности изложения в такой степени, чтобы не возникало никаких недоразумений или же подтекстов в его понимании иноязычным читателем. В самом же эпитете изначально уже заложена двусмысленность (а иногда и многоступенчатость). Переводчику необходимо довести до читателя не только основной, но и подразумеваемый, вторичный смысл, заложенный где-то на периферии лексического понятия, но который имеет равноценное основному значение, а часто, может быть, главенствующее. Сложность такой задачи усиливается еще и тем, что эпитет, как известно, вызывает определенную ассоциативную цепь в сознании, исходящую из основного лексического образа. Переводчику необходимо подобрать такие лексические средства, которые от основного образа дадут в языке перевода именно такую же цепь ассоциаций, какую предполагал автор оригинала. Это может быть трудно не столько из-за различия культурно-исторических традиций, так как национальные особенности можно пояснить и в сноске, но прежде всего из-за заложен-

ного несовпадения лексико-семантического объема значения слов у данных языков.

Как отмечалось выше, при переводе эпитета одним из самых сложных моментов является необходимость уловить и соответственно передать на языке перевода все экспрессивные нюансы значений, которые создают или дополняют основной образ.

Специфичность и индивидуальность эпитетов, как и в целом тропов, вовсе не означает, что они непереводимы на другие языки. «Черты индивидуальной творческой манеры автора, образы, применяемые им, принципы их расположения могут, как показывает переводческий опыт, сохраняться при передаче на другой язык, как бы необычны ни были они для его литературы» (41, с.71). Представление об обычном и необычном, отмечает автор, относительно. То, что до определенного времени является необычным, впоследствии, благодаря неоднократному повторению, становится привычным, входит в сознание читателя, как особенность, характеризующая стиль литературы определенной страны. Так, современная литература - и русская и западноевропейская - в этом столетии обогатилась целым рядом специфических художественно-выразительных средств и, следовательно, круг необычного, непривычного значительно сузился по сравнению с серединой и второй половиной XIX века (41, с. 78).

Практика перевода с русского языка на карачаево-балкарский и наоборот убедительно подтверждает сказанное выше. Многие из индивидуальных специфических тропов русского и карачаево-балкарского языков, в том числе и вышеуказанные, переведены с одного языка на другой с сохранением образов подлинника и, следовательно, стали общим

достоянием контактирующих языков.

Общими и специфическими свойствами эпитетов в разных языках, а также особенностями сочетаемости слов определяются и способы их перевода с одного языка на другой. Если образ, выражаемый эпитетом оригинала, понятен и доступен носителю языка перевода, то применяется способ дословной передачи или перевода с небольшим изменением. Это так называемые первый и второй способы перевода (51, с.235).

Большинство эпитетов переводится дословно и с небольшим изменением: светлая мечта - *джарыкъ мурат*; сырая работа - *чий иш*; крылатое слово - *къанатлы сез*; орлиные очи (Лер.) - *къуш кезле*; щедрые сны (Байрам.) - *халал тюшле*; слепой дождь - *сокъур джангур* и др.

Второй способ: горячий парень - *къайнай тургъан джаш* (букв.: «парень, который кипит»); выводы созрели - *оюмла бишгендиле* (букв.: «пришел к окончательному решению») и др.

Очень важно строго следить за соблюдением норм сочетаемости слов в языке перевода, особенно при дословном переводе. В противном случае возможны ошибки и искажения.

Как весь лексический фонд, так и изобразительная система карачаево-балкарского языка за последние десятилетия в результате перевода с русского языка значительно пополнилась средствами, созданными посредством калькирования эпитетов русского языка: *къызыл* (шабат кюн) - красная суббота; *сейир* (эс) - чудесная память; *заманны* (тылпыуу) - дух времени; *татлы* (таууш) - сладкий голос; *джангыртыуну* (кючу) - сила перестройки и другие, созданные

по образцу соответствующих средств русского языка, полностью вошли в карачаево-балкарский язык и активно употребляются как в устной речи, так и в литературных произведениях. Следует сказать и об обратном. Благодаря переводу произведений карачаево-балкарских авторов, некоторое количество эпитетов карачаево-балкарского языка проникли в русский язык, вследствие чего общий фонд тропов русского и карачаево-балкарского языков постоянно растет.

Третий и четвертый способы перевода эпитетов с одного языка на другой, по сравнению с первым и вторым, используются значительно реже. Так, эпитеты, образы которых непонятны и недоступны носителю другого языка, а также те из них, которые характеризуются лексико-грамматическими особенностями, заменяются эпитетами языка перевода, соответствующими оригиналу по переносному значению, но отличающимися от него по выражаемому образу. Такой способ перевода в лингвистической литературе называется методом компенсации, о чем уже было сказано.

О компенсации эпитетов при переводе их с одного языка на другой следует говорить применительно к замене метафорических эпитетов логическими, когда оказывается невозможным их перевод соответствующими средствами. Метафорический эпитет «жирный» в выражении «жирный шрифт» невозможно перевести соответствующим средством, так как основное соответствие слова «жирный» - *семиз* не сочетается со словом *хариф* - буква, шрифт и не дает того понятия, которое соответствует оригиналу переносного значения. Следовательно, значение подлинника передается логическим эпитетом *къалын - къалын хариф* (досл.: толстый - толстая буква).

Встречаются случаи, когда эпитет оригинала передается сравнением из-за того, что в карачаево-балкарском языке некоторые имена существительные в именительном падеже в сочетании с определенными словами не могут употребляться в переносном значении, тогда как в русском языке относительные прилагательные, образованные от существительных, соответствующих в основном значении существительным карачаево-балкарского языка, в тождественном контексте выражают переносное значение.

В карачаево-балкарском языке некоторые существительные в именительном падеже, соответствующие в основном значении эпитету русского языка, выраженному относительными прилагательными, не сочетаются с определяемым словом. Таким образом, такие существительные карачаево-балкарского языка для передачи русских эквивалентов с переносным значением используются в форме сравнения.

Эпитеты, приведенные и рассмотренные выше, дают основание сделать следующие выводы:

а) в большинстве случаев между прямым и переносным значениями слов сохраняется заметная ассоциативная связь: камень - *таш* и каменное сердце - *таш джюрек*; золото - *алтын* и золотые руки - *алтын къолла*, крылья - *къанатла* и крылатое слово - *къанатлы сез* и др.;

б) образование эпитетов с одинаковыми образами в разных языках достигается за счет использования эпитетов одних и тех же свойств предметов, которые соответствуют по основному номинативному значению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современную эпоху, когда советский народ осуществляет перестройку во всех сферах экономической, социальной и культурной жизни, особое значение приобретает свободное владение родным языком и языком межнационального общения народов СНГ - русским.

Сама социальная природа нашего общества поставила огромную задачу перед лингвистикой: заняться исследованием взаимодействия языков народов СНГ, вникнуть в суть двуязычия, рассмотреть значение его в развитии общественной жизни народов нашей страны. В связи с вышесказанным, перед лингвистами, преподавателями вузов и школ стоит огромная задача: поставить обучение русскому языку и родному языку так, чтобы свободное владение русским и родным языком стало нормой для каждого человека.

Эту задачу ставит перед нами сама действительность, жизнь, так как знание родного языка и особенно русского языка в условиях перестройки и ускорения помогут нашему обществу выполнить все задачи.

В современном языкознании темы двуязычия, языковых контактов, взаимодействия языков являются важными проблемами.

Наше советское языкознание сделало много для того, чтобы рассмотреть проблему двуязычия в СНГ во всех его аспектах.

Двуязычие или билингвизм предполагает свободное владение двумя языками. Он широко распространен в мире.

В СНГ билингвизм является социальным и языковым свойством нашего многонационального государства.

В условиях многонационального государства социальное двуязычие неопределимо.

Во-первых, в условиях нашего общества без общего коммуникативного средства - межнационального языка - существование и развитие этого общества;

во-вторых, сам объективный ход развития советского общества вызвал к жизни активизацию двуязычия, которое отвечает интересам всех народов нашей страны.

Как отмечалось выше, русско-карачаево-балкарские языковые связи начали развиваться еще с давних времен.

Значительное сходство, имеющееся в алтайских, индоевропейских, уральских и других языках, может быть объяснено существованием в них древних генетических и контактных связей.

Каждому языку свойственны черты, отличающие его от многих других языков. Вместе с тем, в каждом из языков обнаруживаются и такие свойства, которые являются общими для всех или ряда языков. При этом общность проявляется как в родственных, так и в неродственных, как одноструктурных, так и разноструктурных языках.

Одинаковые и сходные свойства языков обусловлены законами и формами мышления, отражающими объективную действительность и имеющими общечеловеческий характер, а также общей связью языка с действительностью.

Различия в языках объясняются тем, что хотя в разных языках законы и формы мышления в своих существенных категориях проявляются в основном одинаково, между мышлением и языком нет прямолинейной и однозначной взаимозависимости. Язык образует относительно самостоятельное явление и имеет свои внутренние законы развития, которые

не могут быть сведены к законам развития мышления.

Как показывают материалы сопоставительно-типологического изучения языков, на всех уровнях совершенно разных языков содержится значительное количество общих явлений, обусловленных, главным образом, закономерностями процесса формирования и развития мышления и языка, находящихся в диалектической взаимосвязи. Данная общность рассматривается как логико-языковая.

Большую часть общих явлений, содержащихся в разных языках, составляют элементы, приобретенные в результате контактов языков.

В переносном употреблении слов с одним и тем же семантическим ядром в разных языках проявляются их общие и специфические свойства. Соответствие тех или иных слов двух языков как по прямому, так и переносному значению рассматривается общим свойством языков в отношении данных средств.

Употребление слов в прямом и переносном значениях свойственно всем языкам. Своеобразие и особенность переноса заключается в том, что использование слова в другом (несобственном) значении сопровождается употреблением двух разных понятий исходного и нового. В этой связи, как отмечает В.Г. Гак, «необычность такого сопоставления производит особое впечатление на наши чувства и создает образность или выразительность" (12, с.109).

Соответствие или несоответствие тех или иных слов с одним и тем же семантическим ядром в разных языках по переносному употреблению обусловлено характером переосмысления данных слов.

Различия в переносном употреблении слов с одним и

тем же семантическим ядром в разных языках касаются степени образности, выразительности метафорического наименования, общего удельного веса в переосмыслении и структуры переносного наименования.

Сходства и различия средств выразительности в карачаево-балкарском и русском языках обусловлены их лексико-грамматическими свойствами, т.е. их лексико-синтаксический сочетаемостью.

Изучение соотношения переносного употребления слов русского и карачаево-балкарского языков дает основание утверждать, что данные языки располагают значительным количеством лексических изобразительных средств (метафор, метонимий, синекдох, сравнений, эпитетов и др.), имеющих общность в семантике, образности, структуре.

Как в русском, так и в карачаево-балкарском языке сравнения в основном выражают признак не только одного уподобляемого ими члена, а нескольких членов вместе: или признак признака предмета и самого предмета вместе, или признак предмета и действия вместе и т.д.

В отношении структуры сравнений данных языков следует отметить, что в построении уподобляемой и уподобляющей части сравнений, а также компонентов самого сравнения, в их лексико-грамматических отношениях и характере средств связи проявляются как общие, так и специфические свойства языков.

В рассматриваемых языках можно выделить два основных типа сравнений: а) сравнения, соответствующие как по переносному значению, так и по выражаемому ими образу; б) сравнения, соответствующие по переносному значению, но построенные на разных образах.

Большинство соотносимых сравнений русского и карачаево-балкарского языков представляют собой в системе лексических изобразительных средств общие явления, так как они соответствуют в основном по своим образам и переносным значениям.

Изучение метафоры в сопоставительно-типологическом плане дает огромный лингвистический материал. Оно позволяет проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации и вместе с тем определить специфику каждого языка, отделяющую его от общего и всеобщего. Типологически метафору можно сопоставить, как и все другие факты языка, в плане формы, содержания и функционирования.

Сходство метафор определяет и общие черты в характере их соотношения в русском и карачаево-балкарском языках. В большинстве случаев переносные фигуральные значения в русском и карачаево-балкарском языках появляются у слов широкоизвестных, обозначающих предметы и существа, весьма знакомые и близкие всем.

В общем фонде метафор рассматриваемых языков, основанных на переносном употреблении названий с одним и тем же семантическим ядром, можно выделить два основных типа: а) метафоры, созданные в обоих языках самостоятельно, на основе общих признаков предметов и явлений, а также метафоры, возникшие в языке в результате давних и активных контактов носителей двух языков; б) метафоры, которые в одном из контактирующих языков функционируют под влиянием другого языка, т.е. в результате непосредственного перевода названий, лежащих в основе метафоры.

Как в русском, так и в карачаево-балкарском языке

принято выделять два вида эпитетов: логические и метафорические.

Общность и специфичность эпитетов соотносимых языков проявляется в их семантике, лексико-грамматических особенностях, выражаемых ими образах, а также в эмоционально-экспрессивной окраске.

Как показывают наблюдения, образы, выражаемые сравнениями, метафорами и эпитетами, в основе которых лежит переносное употребление названия одного и того же предмета, содержат определенную общность.

Общие и специфические свойства переносного употребления лексических изобразительно-выразительных средств русского и карачаево-балкарского языков и основные четыре способа их перевода с одного языка на другой в значительной степени взаимообусловлены.

Наличие одинаковых и сходных черт в тропах делает возможным дословный перевод и перевод с несущественным изменением данных средств, при котором значение, образность и структурные особенности оригинала в основном сохраняются.

Таким образом, проведенное исследование по данной теме подтвердило актуальность и практическую значимость работы.

На большом фактическом материале сопоставления лексических средств выразительности в карачаево-балкарском и русском языках получены следующие результаты:

1. В метафорическом употреблении карачаево-балкарских и русских слов общность языков проявляется в значительной степени. Она наблюдается и в структуре, и в

семантике, и в лексико-грамматическом оформлении, и в переносных значениях и образах тропов данных языков.

2. В результате интенсивных контактов языков значительное количество специфических тропов приобретает общий характер. Основой данного процесса является существование в различных языках общих потенциальных возможностей, обусловленных диалектической взаимосвязью языка и мышления, а также единством общественной жизни носителей контактирующих языков.

3. Реальные и потенциальные возможности языков позволяют переводить тропы с сохранением значения, образности и эмоционально-экспрессивной силы оригинала.

4. Благодаря калькированию тропов значительно обогащаются и развиваются изобразительно-выразительные средства языков.

5. Учет при переводе специфических особенностей тропов способствует предупреждению нарушений грамматических и стилистических норм языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. – М.-Л., 1949.
2. Баскаков Н.А. Развитие языков и письменности народов СССР. //Вопросы языкознания. – М., 1952. – № 6. – С. 55-65.
3. Белинский В.Г. Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. – М., 1948. – 440 с.
4. Белинский В.Г. «Гамлет, принц датский». Сочинения В. Шекспира. ПСС. Т. 2. – М., 1953. – 424 с.
5. Бодуэн де Куртэнэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963. Ч. 1. – 365 с.
6. Бояринцева Г.С. Специфика образных средств в художественной речи: Учебное пособие. – Саранск, 1982. – 96 с.
7. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Т.2. – М., 1823. – 300 с.
8. Будагова Р.А. Литературные языки и языковые стили. – М., //«Высшая школа», 1967. – 376 с.
9. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. – М., 1978. – 174 с.
10. Вовк В.Н. Языковая метафора в художественной речи: //Природа вторичной номинации. – Киев, 1986. – 140 с.
11. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на ма-

- териале французского и русского языков). – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
12. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – М., 1989. – 221 с.
  13. Гейбуллаев Г.А. О происхождении названия города «Чол» в Кавказской Албании. //Советская тюркология, 1975. № 6. – С.15-25.
  14. Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. – СПб, 1809.
  15. Гукасян В.Л. К освещению некоторых вопросов истории Азербайджана. //«Известия АН Азерб. ССР. Серия истории, философии и права», 1968. – № 4. – С. 4-9.
  16. Гукасян В.Л. Закавказские источники и изучение истории азербайджанского языка. //Советская тюркология, 1978. – № 2. – С. 10-15.
  17. Грала М. Перевод и национальная культура. – Вильнюс, 1988. –199с.
  18. Дешериев Ю.Д. Основные тенденции функционирования и развития национально-русского двуязычия. //Преподавание русского языка в национальной школе. 1979. – № 2. С. 15-25.
  19. Зэкиев М.Х. Татар халкы теленен, барлыкка килуе. – Казан, 1977. – 160 с.
  20. Зубов П.П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, этнографическом, финансовом и торговом отношении. // СПб., 1835.
  21. История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. – М., 1967.

22. Каратова Н.Б. Некоторые особенности функционирования русского языка в условиях национально-русского двуязычия. // Русский язык в национальной школе. 1978. – № 4. С. 33.
23. Клапрот Г.Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1977.
24. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М., 1983. – 223 с.
25. Ламберти А. Описание Колхиды и Мингрелии. «Записки Одесского императорского общества истории и древностей». Т. X. – Одесса, 1877.
26. Мейлах Б.С. Вопросы литературы и эстетики. – Л., 1958. – 530 с.
27. Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1975. – 358 с.
28. Проблемы двуязычия в многонациональном социалистическом государстве. – Ставрополь, 1978. – 83 с.
29. Протченко И.Ф., Орешкина Г.Ф. Русский язык в жизни советского общества. // Русская речь. 1987. – № 4. – С. 17-23.
30. Прохоров А. На Кавказе. // Ленинское знамя: Орган Карачаево-Черкесского обкома КПСС. 1960, 15 февраля. – Черкесск, 1960.
31. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1; 3. – СПб., 1893-1911.
32. Развитие русско-национального двуязычия. – М.: Наука, 1976. – 368 с.

33. Русский язык как средство межнационального общения. – М., 1977. – С. 5-15.
34. Сухотин В.П. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. – М., 1960. – 310 с.
35. Сысоев В.М. Карачай в бытовом и историческом отношении. СМОМПК. Вып. 43. – Тифлис, 1913. – С. 119-134.
36. Тенишев Э.Р. Говор урумов села Прасковевки. //Советская тюркология, 1973. – № 1. – С. 15-25.
37. Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Краткий словарь литературоведческих терминов. – М., 1985. – 208 с.
38. Томашевский В.В. Стилистика и стихосложение. – Л.: Учпедгиз, 1959. – 536 с.
39. Федоров А.В. О художественном переводе. – Л.: Гослитгиздат, 1941. – 260 с.
40. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М.: Высшая школа. 1968. – 396 с.
41. Федоров А.И. Образная речь. – Новосибирск: Наука, 1985. – 199 с.
42. Федоров А.И. Семантическая основа образных средств языка. – Новосибирск: Наука, 1969. – 92.
43. Хабичев М.А. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. – Черкесск, 1980. – 150 с.
44. Хаджилаев Х-М. И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. – Черкесск, 1970. – 357 с.
45. Черемисов К. О ранних заимствованиях в бурят-

- ском языке. //Свет над Байкалом. – Улан-Удэ, 1965. – С.10-15.
46. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. XVI. – М., 1953.
47. Шалыгин А. Теория словесности. Изд. 5-ое. – М., 1916. – С. 17-27.
48. Шамсутдинова С.С., Постнова Н.В. Вопросы двуязычия в школах союзных республик. //Русский язык в национальной школе. 1980. – № 3. – С. 15-21.
49. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
50. Юсупов Р.А. Взаимодействие русского и татарского языков и развитие в них общих элементов. //Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР. – Казань, 1982. – С.25-30.
51. Юсупов Р.А. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. – Казань: Таткнигоиздат. 1980. – 255 с.
52. Юсупов Р.А. Двуязычие и взаимодействие русского и татарского языков. //Актуальные вопросы грамматики и стилистики татарского языка. – Казань, 1981. – С. 113-119.
53. Юсупов Р.А. Тэржэме мэсьэлэргэ. – Казан.: Тат. Китап нэшр., 1975. – 127 с.
54. Ямпольский З.И. Об этнониме «севордин». //Советская тюркология. 1973. – № 1. – С. 83-86.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Толст.	-	Л.Н. Толстой
Бл.	-	А.А. Блок
Кул.	-	К.Ш. Кулиев
Пушк.	-	А.С. Пушкин
Лерм.	-	М.Ю. Лермонтов
Куб.	-	Д.Х.-А. Кубанов
Апп.	-	Х.А. Алпаев
Каг.	-	Н.М. Кагиева
Шол.	-	М.А. Шолохов
Дост.	-	Ф.М. Достоевский
Сол.	-	В. Соловьев
Твард.	-	А.Т. Твардовский
Луг.	-	В.А. Луговской
Горьк.	-	А.М. Горький
А. Тол.	-	А.К. Толстой
Мал.	-	А.А. Малышев
Бонд.	-	Б.В. Бондарев
Некр.	-	Н.А. Некрасов
Байрам.	-	Х.Б. Байрамукова
Хуб.	-	О.А. Хубиев
Батч.	-	М.Х.-К. Батчаев
Онч.	-	Н.Е. Ончуков
Фольк.	-	фольклор
РЯНШ	-	журнал "Русский язык в национальной школе"
ПРЯНШ	-	журнал "Преподавание русского языка в национальной школе"
СТ	-	журнал "Советская тюркология"
СМОМПК	-	журнал "Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа"
ВЯ	-	журнал "Вопросы языкознания"
Газ.	-	газета "Л.З." – газета "Ленинское знамя"
"Ставр."	-	альманах "Ставрополье"
К.Д.	-	Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1	7
ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ И РУССКИХ ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЕЙ	7
ГЛАВА 2	25
СУЩЕСТВОВАНИЕ ОДИНАКОВЫХ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩЕГО И СПЕЦИФИЧЕСКОГО В ПЕРЕНОСНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ СЛОВ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ	25
ГЛАВА 3	45
СРАВНЕНИЯ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	45
3.1. <i>Структура сравнений</i>	48
3.2. <i>Образная система сравнений</i>	55
3.3. <i>Способы перевода сравнений с русского карачаево-балкарский язык</i>	62
ГЛАВА 4	62
ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	62
4.1. <i>Метафоры, имеющие общий характер в обоих языках</i>	62
4.2. <i>Специфические метафоры соотносимых языков</i>	62
4.3. <i>Способы перевода метафор с русского на карачаево балкар- ский язык</i>	62
ГЛАВА 5	62
ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩЕГО И СПЕЦИФИЧЕСКОГО В ЭПИТЕТАХ КАРАЧАЕВО- БАЛКАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	62
5.1. <i>Эпитеты, характерные для обоих языков</i>	62
5.2. <i>Эпитеты, свойственные лишь одному из контактирующих языков</i>	62
5.3. <i>Способы перевода эпитетов с русского на карачаево-балкар- ский язык</i>	62
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	62
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	62
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	62

Батчаев Али-Мурат Хасанович

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В КА-
РАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ
научное издание

План университета 2000 г. Поз. №20

Редактор Н.В. Ефрюкова

Корректор С.М. Хапаева

Компьютерная верстка – И.Х. Джуккаева

Подписано в печать 06.08.2000

Формат 60x84¹/16

Бумага офсетная.

Объем 6,6 физ. печ. л., 6,2 усл. печ. я.

4,5 уч-изд. л. Тираж 500 экз.

Издательство Карачаево-Черкесского госу-
дарственного педагогического университе-
та 369202, г. Карачаевск, ул. Ленина, 29
Лицензия ЛР №0403190 от 2.10.1997

Отпечатано в типографии Карачаево-Черкесского
государственного педагогического университета
369202, г. Карачаевск, ул. Ленина, 46.